

А. И. АЛМАЗОВЪ.

7-6
А. 57

ПРОКЛЯТІЕ ПРЕСТУПНИКА ПСАЛМАМИ

(ҢАЛМОКАТАРА).

Къ исторіи суда Божьяго въ Греческой церкви.

ОДЕССА.

„Экономическая“ типографія, улица Жуковскаго, № 43.

1912.

23202

Печатано по постановленію Правленія Историко-Филологическаго
Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ.
Предсѣдатель Общества *С. Г. Вилинскій*.

За недостаточностью фактическихъ данныхъ судъ иногда лишенъ возможности съ точностью установить истину по рассматриваемому имъ дѣлу. вмѣстѣ съ тѣмъ, и устанавливая истину, судъ, однако, иногда ставится въ невозможность воздать должное преступнику и вообще правонарушителю, за сокрытіемъ послѣдняго. Потребность и въ подобныхъ случаяхъ такъ или иначе—и достигнуть истины, и осуществить правосудіе, какъ извѣстно, въ давно минувшіе дни породила вѣрованіе въ цѣлесообразность примѣненія здѣсь различныхъ формъ такъ называемаго „суда Божьяго“. Одна изъ такихъ церковныхъ формъ, и именно (для обличенія вора) — „испытаніе освященнымъ хлѣбомъ“ — примѣнялась, между прочимъ, въ прежней практикѣ Греческой церкви, а затѣмъ и Русской.

Однако судъ Божій, въ точномъ его видѣ, въ указываемыхъ случаяхъ не всегда могъ имѣть примѣненіе. Для его примѣненія требовалось, какъ *conditio sine qua non*, чтобы лицо, въ отношеніи къ которому настояла надобность установить истину (т. е. его правоту или неправоту, виновность или невиновность) или примѣнить заслуженную имъ кару, было на видѣ, — требовалась, такимъ образомъ, наличность подозрѣваемаго въ преступленіи или вообще подвергаемаго со-

мнѣнію въ отношеніи его правоты. Между тѣмъ, всегда могутъ быть случаи, когда—или только подозрѣваемаго въ преступленіи, или уже завѣдомо совершившаго таковое—нѣтъ на лицо. Впрочемъ возможные и весьма нерѣдкіе въ настоящее время (въ особенности при совершеніи маловажныхъ преступныхъ дѣяній), такіе случаи тѣмъ болѣе могли быть заурядными въ былое время. Неустроенность путей сообщенія, затруднительность способовъ для скорого и своевременнаго сношенія, недостатки въ организаціи правосудія и административнаго надзора, обиліе темныхъ и зачлустныхъ угловъ и, наконецъ, простота и довѣрчивость людей былыхъ дней—доставляли для того обиліе благоприятнѣйшихъ условий.

Само собою разумѣется, въ подобныхъ случаяхъ уже нельзя было помышлять о примѣненіи указанной или какой нибудь другой аналогичной формы суда Божьяго, ибо уличать было некого. Въстѣ съ тѣмъ, конечно, здѣсь приходилось оставлять всякія законныя чаянія о соотвѣтствующемъ воздаяніи (т. е. наказаніи) виновнику преступнаго дѣянія обыкновенными и вообще какими бы то ни было способами. Между тѣмъ, въ ряду случаевъ подобной категоріи порою могли быть и такіе, когда вызывалась особенная надобность обличить или, что еще важнѣе, наказать преступника,—вызывалась надобность—или особенною важною преступнаго дѣянія, взятаго само въ себѣ, или связью его съ какими-либо исключительными обстоятельствами. Это—одно. Другое. При всѣхъ подобныхъ случаяхъ человѣчеству искони было присуще вѣрованіе, что преступникъ, ускользнувшій изъ рукъ правосудія, такъ или иначе получитъ въ свое время возмездіе свыше за совершенное имъ злодѣяніе или вообще допущенное имъ неправо дѣяніе. Наконецъ, съ религіозной точки зрѣнія, и въ случаяхъ возможности примѣненія въ какой-либо формѣ суда Божьяго въ тѣсномъ смыслѣ, положительный его результатъ долженъ мыслиться зависящимъ собственно не отъ его формы или способа, а вообще отъ содѣйствія къ его цѣли свыше.

Въ виду такихъ представленій,—съ церковной точки зрѣнія, и для тѣхъ случаевъ, когда правонарушитель отсутствуетъ въ наличности и совершенно скрылся, мыслима столь же вѣроятная возможность—и обличить его, и воздать ему должное способомъ исключительнымъ,—хотя нѣсколько и напоминающимъ другія церковныя формы суда Божьяго въ тѣсномъ смыслѣ, но только болѣе общаго характера. Такимъ способомъ на этотъ разъ всегда могло пониматься вообще моленіе Церкви объ открытіи преступника,—но только моленіе, специально назначенное для такой цѣли. И несомнѣнно, въ практикѣ Греческой церкви примѣнялся и такой способъ. Практиковался онъ, однако, не въ видѣ простаго моленія объ открытіи преступника, но въ связи съ провозглашеніемъ отлученія его отъ Церкви, а точнѣе—въ связи съ проклятіемъ его Церковью. Въстѣ же съ этимъ проклятіемъ возносилось и пламенное моленіе о жесточайшемъ и всеобъемлющемъ наказаніи преступника и пораженіи его всяческими, внутренними и внѣшними, недугами, которые свидѣтельствовали бы всѣмъ о немъ, какъ о преступникѣ и невольно вызывали бы его на самообличеніе и самообъявленіе о совершенномъ имъ преступномъ дѣяніи.

Будучи таковымъ по общему характеру своего содержания, указываемое церковное дѣйствіе, съ внѣшней стороны неразрывно связывалось съ одною характерною внѣшнею особенностью. Именно: матеріаломъ для молитвенныхъ формулъ, входившихъ въ его содержаніе, обязательно служили псалмы. Соотвѣтственно съ этимъ оно и носило наименование—*„Ψαλμοκατάρα“*, т. е. проклятіе псалмами.

При занятіяхъ греческими литургико-каноническими рукописями мы ознакомились съ двумя памятниками такого „отлучательнаго“ моленія или послѣдствія, которое по всей справедливости можно понимать проклятіемъ преступника. Историко-критическимъ замѣчаніямъ о нихъ и предназначаются настоящія наши строки.

I.

Болѣ ранній изъ относящихся къ нашей цѣли памятниковъ мы знаемъ по номоканону, ркп. 1528 г., библиотеки Barberini № 245 (зол. 425—428). Въ отмѣчаемомъ теперь номоканонѣ онъ составляетъ собственно одну изъ главъ съ специальнымъ надписаніемъ—«*Περὶ τῶν θεῶν καὶ ἀφορισμῶν ἀνθρώπων μὲ ψαλμοκατάρα, πῶς γίνεται.*»

По своему содержанию предполагаемое теперь церковное дѣйствіе представляетъ здѣсь сравнительно краткое послѣдованіе, но примѣнительно къ исключительной его цѣли—съ характерными особенностями—какъ со стороны обрядности, такъ и со стороны словеснаго элемента.

Въ частности, по уставу этого послѣдованія, для его совершенія требуется пригласить семь священниковъ, которые должны совершить литургію. По окончаніи литургіи они должны выйти въ облаченіи внутрь (на средину) храма. Здѣсь готовится тарелка, въ которую наливается „хорошій укусъ“, а вокругъ ея ставится семь смоляныхъ свѣчей. Послѣ того въ тарелку кладется кусокъ негашеной извести въ объемъ одного яйца, всѣ же священники берутъ въ свои руки по одной горячей свѣчѣ (вѣроятно, изъ поставленныхъ вокругъ тарелки) и по обычномъ началѣ совершаютъ самое послѣдованіе.

Роль каждаго священника въ этомъ совершеніи согласно уставу несложная, и именно—каждый изъ нихъ по очереди произноситъ предназначенную для него часть псалма и сверхъ того произноситъ еще такъ называемый здѣсь—„тропарь Іуды“. Когда всѣ семь священниковъ исполняютъ это, тогда,—говоритъ уставъ,—„да отлучаютъ и да творятъ отпустъ; тарелку же да перевернуть вверхъ дномъ и въ такомъ видѣ да оставятъ ее внутри церкви“.

Послѣ уставныхъ замѣчаній, въ которыхъ предписано все только что сказанное, излагается въ памятникѣ и самое послѣдованіе. Согласно предначертанію вводнаго устава оно весьма простое. Собственно оно содержитъ изложеніе „тро-

паря Іуды“ и затѣмъ семи (по числу священниковъ) чтеній изъ псалтири, съ предшествующимъ каждому такому чтенію упоминаніемъ о надобности произнесенія предъ тѣмъ очереднымъ священникомъ указываемаго тропаря, хотя по уставнымъ замѣчаніямъ это произнесеніе должно не предварять чтеніе изъ псалтири, а именно заключать его. Кромѣ же чтеній изъ псалтири и упоминаній о тропарѣ Іуды здѣсь не имѣется рѣшительно никакихъ дополненій или уставныхъ замѣчаній,—и писецъ, поэтому самому, изложивъ послѣднее чтеніе, лаконически поставилъ—„*Τέλος*“, безъ всякихъ заключительныхъ поясненій, которыя были бы здѣсь во всякомъ случаѣ нелишни. Такимъ образомъ, здѣсь ни слова не сказано даже о томъ—въ какомъ собственно видѣ, какою именно формулою должно провозглашаться отлученіе, о которомъ ранѣе упомянуто въ уставныхъ замѣчаніяхъ. Предполагается, очевидно, выражать это—и краткою формулою, и въ свободномъ изложеніи.

Войдемъ теперь въ нѣкоторое критическое обозрѣніе частныхъ изложеннаго чина.

Приводимыя въ настоящемъ случаѣ чтенія изъ псалтири обнимаютъ: первое—псал. XXXIV, ст. 1—10; второе—псал. XXXIV, ст. 10—19; третье—псал. XXXIV, ст. 17—28; четвертое—псал. CVIII, ст. 1—12; пятое—псал. CVIII, ст. 13—22; шестое—псал. CVIII, ст. 23—31; псал. CXXXIX, ст. 1—4, и седьмое—псал. CXXXIX, ст. 5—14.

Какъ очевидно, изъ псалтири здѣсь примѣнены къ дѣлу только три псалма въ цѣломъ объемѣ. Эти псалмы: XXXIV, CVIII и CXXXIX. Въ ряду псалмовъ, однако, какъ увидимъ то ниже, имѣются и другіе, которые по содержанию вполне отвѣчаютъ цѣли настоящаго послѣдованія; таковъ, напр., въ особенности псалмъ LXXXII. Отсюда само собою вытекаетъ, что ограниченіе числа псалмовъ только тремя сдѣлано здѣсь по нѣкоторому формальному соображенію. И мы не ошибемся если скажемъ, что на этотъ разъ составителемъ послѣдованія руководило представленіе троичнаго числа, какъ священнаго для христіанъ.

Избранные теперь псалмы, далѣе, со стороны ихъ содержанія, суть не иное что, какъ сложныя формулы проклятій. Сущность послѣднихъ во всѣхъ этихъ псалмахъ, взятыхъ въ ихъ совокупности и выражаясь подлинными ихъ словами (только при замѣнѣ порою обозначенія адресата единственнымъ числомъ вмѣсто множественнаго) и насколько возможно въ систематическомъ изложеніи, сводится къ слѣдующему тексту:

„Вступишь, Господи, въ тяжбу съ тяжущимися со мною [и] побори борющихся со мною (XXXIV, 1). Избавь меня... отъ человѣка злого; сохрани меня отъ притѣснителя (СXXXIX, 2). Да постыдится... и покроется безчестіемъ умышляющій мнѣ зло“ (XXXIV, 4) и „да покроетъ голову“ его „зло собственныхъ устъ его“ (СXXXIX, 10). „Да будетъ онъ, какъ прахъ предъ лицомъ вѣтра, и Ангелъ Господень да прогоняетъ его; да будетъ путь его темень и скользокъ, и Ангелъ Господень да преслѣдуетъ его“ (XXXIV, 5—6). „Да падутъ на него горячіе угли; да будетъ онъ поверженъ въ огонь, въ пропасти, такъ, чтобы не всталъ“ (СXXXIX, 10). „Да придетъ на него гибель неожиданная“ (XXXIV, 8). „Поставь надъ нимъ нечестиваго, и діаволь да станетъ одесную его. Когда будетъ судиться, да выйдетъ осужденнымъ, и молитва его да будетъ въ грѣхъ; да будутъ дни его кратки, и достоинство его да возьметъ другой; дѣти его да будутъ сиротами, и жена его—вдовою; да скитаются дѣти его и нищенствуютъ, и просятъ хлѣба изъ развалинъ своихъ; да захватитъ заимодавецъ все, что есть у него, и чужіе да расхитятъ трудъ его; да не будетъ сострадающаго ему, да не будетъ милующаго сиротъ его; да будетъ потомство его на погибель, и да изгладится имя его въ слѣдующемъ родѣ; да будетъ воспоминаемо предъ Господомъ беззаконіе отцовъ его, и грѣхъ матери его да не изгладится; да будетъ онъ всегда въ очахъ Господа, и да истребитъ Онъ память его на землѣ за то, что онъ не думалъ оказывать милость, но преслѣдовалъ человѣка бѣднаго и нищаго и сокрушеннаго сердцемъ, чтобы умертвить его; возлюбилъ проклятіе,—

оно и придетъ на него; не восхотѣлъ благословенія,— оно и удалится отъ него; да облечется проклятіемъ, какъ ризою, и да войдетъ оно, какъ вода, во внутренность его и, какъ елей, въ кости его; да будетъ оно ему, какъ одежда, въ которую онъ одѣвается, и какъ поясъ, которымъ всегда опоясывается. Таково воздаяніе отъ Господа...“ (СVIII, 6—20).

Какъ очевидно, во всей этой композиціи стиховъ изъ указанныхъ псалмовъ—поистинѣ пространный циклъ самыхъ энергичныхъ проклятій, адресуемыхъ на голову виновнаго въ преступномъ дѣяніи. И нельзя не согласиться, что совершаемое при торжественной обстановкѣ, на срединѣ храма, семью священниками, въ связи съ совершеніемъ литургіи, провозглашеніе всѣхъ этихъ проклятій не могло не производить сильнаго впечатлѣнія на присутствующихъ.

Обращаясь къ самому методу произнесенія тѣхъ же псалмовъ семью священниками, нельзя не отмѣтить одной любопытной особенности, и именно того распредѣленія со стороны составителя, чтобы на долю каждаго священника приходилось чтеніе собственно 10-ти стиховъ. Исключение изъ этого правила составляютъ только чтенія четвертое и шестое,—и то уже по необходимости. Насколько, дѣйствительно, такое соображеніе руководило здѣсь авторомъ, можно судить уже по тому одному, что только этимъ можно объяснить, почему первый и второй священники должны кончать чтеніе на половинѣ стиха, а потому второй же и третій должны продолжать чтеніе уже со второй половины тѣхъ же стиховъ. Почему здѣсь усвоится столь важное значеніе десятичному числу—объяснить трудно. Едва ли, однако, на этотъ разъ не руководились тѣмъ представленіемъ, что по Ветхому завѣту всѣ преступления предусматриваются десятью заповѣдями Моисея, почему и всякій преступникъ долженъ пониматься не иначе какъ нарушителемъ десяти заповѣдей. При такомъ представленіи проклинаемый изреченіями изъ псалтири, въ соотвѣтствіе числу нарушенныхъ имъ заповѣдей, могъ трактоваться подлежащимъ проклятію

десятью же отдѣльными изреченіями или въ данномъ случаѣ—стихами изъ псалтири, разъ только она прилагалась къ осуществленію проклятiя.

Къ чтенію всѣхъ указываемыхъ теперь псалмовъ, а равно и къ совершенію всего послѣдованiя предназначаются, какъ сказано, 7 священниковъ. Число тоже, очевидно, исключительное. Очень можетъ быть, что на установленіе его здѣсь повліяло и вообще исконное, еще въ Ветхомъ завѣтѣ принятое, представленіе объ особенномъ значеніи сего числа. Можетъ быть, далѣе, здѣсь оказало вліяніе и примѣненіе того же числа совершителей къ таинству елеосвященiя. Такое объясненіе представляется довольно вѣроятнымъ, если при воззрѣнiи на елеосвященіе, какъ актъ врачующій болѣзни,—на настоящій актъ смотрѣть, какъ на церковное дѣйствіе, влекущее за собою, въ противоположность тому, пораженіе всяческими болѣзнями или недугами. Скорѣе всего, однако, здѣсь руководствовались тѣмъ представленіемъ, что проклинаемый, какъ лишаемый общенiя съ Церковью и ея благъ, подлежитъ вмѣстѣ съ этимъ и лишенію даровъ Св. Духа, полученныхъ имъ въ таинствѣ муропомазанiя—даровъ, которыхъ по воззрѣнiю Церкви—семь. При такомъ представленіи, по воззрѣнiю составителя настоящаго послѣдованiя, каждый участвующій въ совершеніи проклятiя священникъ, проклиная преступника, тѣмъ самымъ лишаетъ его одного изъ даровъ Святого Духа. Можетъ быть, впрочемъ, дано, наконецъ, и еще одно объясненіе.—Подвергнутый проклятiю, тѣмъ самымъ передается во власть діавола. По воззрѣнiю же настоящаго номоканона *) оказать помощь—„*ἀνδροπὸν δαίμονιζόμενον*“ можетъ особый актъ, совершаемый не менѣе, какъ семью же священниками. Примѣнительно къ этому, конечно, и отданіе кого-либо Церковью во власть діавола можетъ осуществиться только посредствомъ акта, совершаемаго священниками не иначе, какъ въ томъ же числѣ.

*) Въ другой статьѣ, на листѣ 423.

Параллельно чтенію псалмовъ весьма важное значеніе въ настоящемъ послѣдованіи усвоится, затѣмъ, произнесенію „тропаря Іуды“: „Днесъ Іуда оставляетъ учителя и пріемлетъ діавола, ослѣпляется страстію сребролюбiя, отпадаетъ свѣта омраченный, како бо можетъ зрѣти, свѣтило продавый за тридесятихъ сребренницѣхъ; но намъ возсія (страдавый за міръ, къ нему же возопимъ:) пострадавый и сострадавый челоуѣкомъ: (Господи) слава тебѣ“. Какъ очевидно, этому тексту усвоено надписаніе—„*τροπάριον τοῦ Ἰούδας*“, какъ дающему въ своемъ содержаніи сущность характеристики Іуды предателя.—Едва ли нужно упоминать о томъ, что настоящій тропарь не иное что, какъ четвертый антифонъ „послѣдованiя страстей“ (утро великаго пятка).—Кромѣ того, что и по самой редакціи этотъ стихъ можетъ трактоваться приложимымъ къ цѣли послѣдованiя,—для примѣненiя его сюда усматривалось основаніе даже и въ одномъ представленіи личности Іуды предателя, къ которому онъ относится.

Обращаясь затѣмъ къ обрядовымъ дѣйствіямъ, которыя по предварительнымъ уставнымъ замѣчаніямъ должны сопровождать совершеніе трактуемаго послѣдованiя, нельзя не обратить вниманiя, что они отличаются особенною исключительностью. Они, какъ мы видѣли, обнимаются примѣненіемъ необыкновенныхъ—смоляныхъ свѣчей и затѣмъ особой смѣси изъ укуса и негашеной извести, надъ какимъ составомъ и должно читаться все положенное въ послѣдованіи.—Требованіе здѣсь свѣчей смоляныхъ, которыя по цвѣту черныя и составляютъ прямую противоположность обыкновенно употребляемымъ въ церкви восковымъ свѣчамъ—бѣлымъ,—отчасти можетъ быть объяснено мрачнымъ и печальнымъ назначеніемъ относящагося сюда обряда. Скорѣе же здѣсь исходили, повидимому, изъ того представленiя, что подлежащій проклятiю, какъ предаваемый во власть діавола, тѣмъ самымъ становится участникомъ его царства; царство же это—адъ,—по средневѣковымъ о немъ представленіямъ,—мѣсто, гдѣ грѣшники подлежатъ мученіямъ, между прочимъ,

и въ кипящей смолѣ. Можетъ быть, наконецъ, здѣсь хотѣли видѣть въ смрадѣ и непріятномъ дымѣ зажженныхъ смоляныхъ свѣчей символическое выраженіе „смрадности“ тѣхъ дѣяній, проклятiю за которыя подпадаетъ адресатъ настоящаго послѣдованiя.

Что же касается до употребленiя смѣси изъ уксуса и негашеной извести, то на умѣстность примѣненiя ихъ навело химическое послѣдствiе такого смѣшенiя,—такъ называемая— бурная реакція. При ней разложеніе извести подѣ воздействиемъ уксусной кислоты производитъ кипѣніе, сопровождаемое выдѣленіемъ газовъ, а въ результатѣ остается густая и очень клейкая масса. Трудно сказать, что символически долженъ изображать такой обрядъ. Только приблизительно вѣроятнымъ объясненіемъ здѣсь можно принять то, что самый процессъ бурной реакціи можетъ пониматься, какъ символическое изображеніе гнѣва Божьяго на преступника, а остающаяся клейкая масса, какъ указаніе на „вязаніе“ властью Церкви совершившаго преступленіе.

II.

Другой памятникъ, посвященный той же цѣли, извѣстенъ намъ по сборнику, ркп. coll. Ottoboniana въ Ватиканской библіотекѣ № 192. Онъ относится также къ XVI стол., но написанъ нѣсколько позднѣе, и именно 16 августа 1542 г. Указываемая рукопись представляетъ сборникъ въ болѣе широкомъ значенiи, чѣмъ совокупность статей разнороднаго содержанiя. Онъ собственно—собраніе въ одномъ корешкѣ ряда отдѣльныхъ мелкихъ рукописей. Нашъ памятникъ и представляетъ здѣсь одну изъ такихъ рукописей,—особую рукописную тетрадку, вплетенную въ середину кодекса. Судя по внѣшнему виду этой тетрадки (и особенно второй изъ ниже указываемыхъ ея частей),—замѣтимъ,—въ свое время, она несомнѣнно была въ большемъ употребленiи.—Будучи отдѣльною рукописью, тотъ же памятникъ, далѣе, со стороны его содержанiя, былъ предназначенъ для изло-

женiя не только вообще занимающаго насъ послѣдованiя, но даже и нѣкотораго собранiя такихъ послѣдованiй, т. е. представляетъ краткій сборникъ отлучательныхъ или проклинательныхъ послѣдованiй. Собственно же, здѣсь по крайней мѣрѣ два такихъ совершенно самостоятельныхъ устава, двѣ редакціи одного и того же послѣдованiя, объединяемыхъ развѣ только заключительною частью памятника, имѣющею, однако, уже другое назначеніе. Войдемъ теперь въ детальное обозрѣніе той и другой редакціи.

Первая изъ нихъ имѣетъ надписаніе: „*Ἀχολουθία ἀφορισμοῦ*“. Согласно ей все послѣдованіе отлученiя прежде всего неразрывно связано съ совершеніемъ полнаго цикла суточного общественаго богослуженiя, путемъ нѣкотораго приспособленiя къ тому службъ этого круга и введенiя въ ихъ содержаніе особыхъ чтенiй и дѣйствiй.—Соотвѣтственно съ этимъ, къ нему сначала приспособляется вечерня, о совершенiи которой возвѣщается троекратнымъ ударомъ въ било. Приспособленіе ея заключается въ томъ, что она отправляется съ замѣною „Трисвятымъ“ пѣнiя и произношенiя—„Свѣте тихій“, „Сподоби Господи въ вечеръ сей“ и „Нынѣ отпушаеши“; сверхъ же того, при ея окончанiи недолжно творить отпуста. Затѣмъ, вмѣсто повечерiя, предписывается читать уже помянутый выше псаломъ—XXXIV, а на полунощницѣ—также принятый въ предыдущей редакціи псаломъ CVIII. На утрени,—предписываетъ уставъ,—„не стихословишь—ни псалтири, ни канона Богородицѣ,—но читаешь и поешь“ опять тѣ же псалмы. Отпуста также ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ творить не положено.

Къ литургiи и по этой редакціи, какъ и выше, предписывается приготовить чистаго уксуса и чистой извести, новый сосудъ, 7 же смоляныхъ свѣчей и пять просфоръ прѣсныхъ, сваянныхъ „двигая рукою взадъ и впередъ“.—Ударъ въ било къ литургiи долженъ дѣлаться лѣвою рукою, совершая же литургiю священникъ надѣваетъ обувь съ правой ноги на лѣвую и обратно, и сверхъ того, облачается „во всю священническую одежду наизнанку“.

При самомъ совершеніи литургіи, уставъ предписываетъ,—во время великаго входа влить уксусъ въ сосудъ, а затѣмъ положить и известъ и, зажегши свѣчи на сосудѣ (?), читать: „Суди, Господи, обидящія мя“, т. е. XXXIV псаломъ. По окончаніи чтенія, предписывается—свѣчи погасить въ сосудѣ, затѣмъ разбить сосудъ, и все это сдѣлать такъ, чтобы никто не понялъ, что дѣлается. При совершеніи литургіи, сверхъ того, предлагается еще на выборъ—„когда поминаешь мертвыхъ, если хочешь, чтобы онъ (отлучаемый) померъ,—помяни и его въ ряду мертвыхъ; если же желаешь ему жить,—помяни его въ ряду живыхъ“.

Остановливаясь теперь на всемъ изложенномъ уставѣ не трудно видѣть, что обрядовыя детали и по нему въ сущности тѣ же, что и по разсмотрѣнной редакціи. Болѣе или менѣе замѣтную особенность представляетъ развѣ то, что отъ совершителя обряда здѣсь требуется особый приѣмъ при обуви и надѣвать облаченіе наизнанку. Для такихъ особенностей можно усматриваетъ объясненіе, кажется, только въ томъ, что въ данномъ случаѣ предполагается совершеніе акта, который по своей цѣли въ сущности противоположенъ назначенію вообще церковнаго моленія и богослуженія.—Въ дополненіе къ этимъ особенностямъ нельзя не упомянуть еще и про гашеніе свѣчей въ сосудѣ со смѣсью и затѣмъ въ уничтоженіи этого самаго сосуда. Первое—гашеніе свѣчей должно пониматься какъ выраженіе того, что вслѣдъ за исполненіемъ обряда не можетъ имѣть мѣста какое-либо церковное моленіе объ отвергнутомъ церковью. Впрочемъ, быть можетъ этимъ дается понять и о скорби церкви о принявшемъ проклятіе. Разбитіе же сосуда можетъ трактоваться указаніемъ на духовную смерть впредь проклинаемаго. Сверхъ наблюденія всѣхъ отмѣченныхъ выше обрядовыхъ дѣйствій, по настоящей редакціи предписывается еще читать надъ сосудомъ съ уксусомъ и известью долгій рядъ „молитвъ отлученія“; однако, когда и гдѣ именно должны читаться, на то не имѣется никакого указанія. Въ этихъ молитвахъ собственно и заключается все существо

послѣдованія по разсматриваемой редакціи. Обзорѣніе ихъ не лишено особаго интереса.

Первую въ ряду этихъ молитвъ нѣтъ возможности съ надлежащей ясностью охарактеризовать сжатымъ обзоромъ ея содержанія. Поэтому мы позволимъ себѣ привести ея текстъ въ полномъ переводѣ. Послѣдній имѣетъ такое чтеніе*):

Владыко всевидче, блаженное Божестве, неусыпающее око, вѣдый вся тайная и испытуйай утробы и познавайай сердца ^{а)}, внемли, Господи, всякому слову устъ нашихъ, каковыя съ болью нынѣ приносимъ Тебѣ [и преклонись гласу моленія нашего, яко Ты еси царь и Богъ нашъ], и къ Тебѣ молимся и Тя умоляемъ, яко благій и благопослушствующій и отомститель всѣмъ обиженнымъ отъ невидимыхъ враговъ, ибо „не приселится къ Тебѣ лукавнуай, ниже беззаконницы пребудутъ предъ очима твоима; возненавидѣль еси вся дѣлающія беззаконіе [и] погубиши вся глаголющія лжу; [гнушается Господь] мужа кровей и льстива“, „яко нѣсть [истины] во устѣхъ ихъ, [ибо сердце ихъ] суетно, гробъ отверстъ гортань ихъ“, и языкъ ихъ преисполненъ всякаго коварства. Посему и молю Тя, многомилостиве, „да отпадутъ они отъ мыслей своихъ: по множеству нечестія ихъ изрини я“, и „да возвеселятся вси уповающіи на Тя“ ^{б)}. И „не премолчи, ниже укроти, Боже“ [нашъ], ибо творящій беззаконіе и „на люди Твои лукавноваша волею на народъ Твой и совѣщаша ему погубленіе“; и „сотвори имъ, яко Мадіаму и Сисарѣ“, и „да будутъ, яко гной земный, и положи а яко коло“, вѣчно вертящееся и колеблющееся, — „яко трость предъ лицемъ вѣтра [и] яко огонь попалиши ихъ [и] яко пламень пожжеша и обратиши ихъ въ пепелъ и „пожени ихъ зѣло бурей и смуди ихъ гнѣвомъ твоимъ“ и „исполни лица ихъ безчестія, да постыдятся“ ^{в)}, и да будутъ потоп-

*) Знаки цитатъ изъ алфавита отмѣчаютъ внесенныя въ настоящую молитвенную формулу извлеченія изъ псалмовъ. Самыя цитаты приведены ниже подъ оригинальнымъ текстомъ. Текстъ указываемыхъ извлеченій приводится, гдѣ возможно, въ славянскомъ переводѣ псалтири.

лены и „да изыдутъ осужденными“. И „да будутъ дніе ихъ мали и епископство [и богатство] ихъ да пріиметь инъ, и [да будутъ сынове его сири и жена его вдова“ и „да изгнани] будутъ изъ домовъ своихъ, и да восхитятъ чуждіи труды ихъ и да не будетъ имъ заступника“ и „да будутъ чада ихъ въ погубленіе“ ¹⁾, и „да потребится имя ихъ отъ книги живыхъ“ ²⁾, „и да потребится отъ земли память ихъ, [занеже] не спомянули сотворити милость“ и не пощадили труды и пріобрѣтенія другихъ, но и тайно [нѣкако], и явно похищаютъ и берутъ вещи другихъ, кои они пріобрѣли съ такимъ усиліемъ и со многимъ трудомъ, и преслѣдовали такъ творящіе беззаконіе, „и погна человѣка нища и убога умертвити“ его, и „возлюбиша клятву“.

Отче Вседержителю „удали благословеніе Твое отъ нихъ и облачи ихъ клятвою, яко ризою, да внидетъ, яко вода, во утробы ихъ, и яко елей въ кости ихъ“, и да будутъ они облечены „срамотою“ и одѣты „студомъ“ ихъ ³⁾. И „изми насъ [Господи] отъ человѣка лукава“, „и падутъ на нихъ углія огненная [и] низложиши а“ ⁴⁾. „Блесни молнію и разженеши а“ ⁵⁾. И „суди, Господи, борющаго (ны) и побори обидящія ны“, яко да побораются отъ насъ; „изсуни мечъ“ и сотри ихъ за противленіе ихъ. „Да будутъ яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, и ангель Господень оскорбляя ихъ. Да будетъ путь ихъ тма и ползокъ, и ангель Господень погоняяй ихъ. Да пріидетъ имъ сѣть, юже не вѣсть“ и „да „обимутся“ и въ сѣть ихъ да впадутъ въ ню“, „и ловитва, юже скры, да обиметь ѿ“ ⁶⁾; „да облекутся въ студъ и срамъ лукавнующіе злая противъ ближнихъ ихъ“ ⁷⁾ и „замышляющіе беззаконіе“ свое отнять достояніе другихъ, и „яко трава скоро да изсхнутъ“, „и еще мало и не будетъ грѣшника, и взыщется мѣсто его и не будетъ обрѣтенъ“, и „мечъ“, который привлекаютъ такъ отъ Господи поразити ихъ неправедныхъ, „да внидетъ имъ въ утробы ихъ и да сокрушатся“ ⁸⁾, и „яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ“ ⁹⁾, „и мимо прейдяху, и не обрящется мѣсто ихъ“, и „всѣ беззаконницы потребятся“ ¹⁰⁾ на немъ, [и] „аще не обратятся:

очистить оружіе свое Господь Богъ, лукъ свой напряжетъ, и уготовитъ ихъ смерти“, ибо „се болѣша неправдою и зачаша беззаконіе и родиша болѣзнь“,—„ровъ тако изрыша и закопаша ѿ—и впадутъ въ яму, юже содѣлаша. Да обратится болѣзнь ихъ на главу ихъ и на верхъ ихъ неправда ихъ снидетъ“ ¹¹⁾, и „даждь имъ, Господи, по дѣломъ ихъ и по лукавству начинаній ихъ“ и „по дѣломъ руку ихъ даждь имъ“, такъ какъ „злая въ сердцахъ ихъ“ ¹²⁾ и въ мысляхъ ихъ, и „во обличеніихъ о беззаконіи ихъ накажи ихъ“ и „истай яко паучину душу ихъ. Услыши молитву нашу, внуши и слезъ нашихъ не премолчи“ ¹³⁾. „Да постыдятся и возвратятся вспять ищущіе“ похищенія и „да удержатся отъ стяжанія стыдомъ ихъ“ ¹⁴⁾, и беззаконная „неправда весь день помышляется бо ими“ ¹⁵⁾; [и] „яко бритву изощренну... возлюбиша злобу паче благостыни“,—„пресели ихъ отъ селенія ихъ и корень ихъ исторгни отъ земли живыхъ“ ¹⁶⁾, ... и посмѣйся (имъ) и уничижи ихъ ¹⁷⁾, „ибо въ сердцѣ своемъ беззаконіе творятъ, неправдою руки ихъ исполнены, ибо заблудиша отъ чрева матери своея, глаголаша лжу. Боже, сокруши зубы ихъ во устѣхъ ихъ и уничижи ихъ, яко воду мимотекущую, и яко воскъ растаявъ да истребятъ, и огонь съ неба да падетъ на нихъ и да „пожретъ а“, и тьма и буря да покрываетъ ихъ, „и да не увидятъ солнца“ ¹⁸⁾, и земля да поглотитъ ихъ на поношеніе и поруганіе, и „да не уцедриши вся дѣлающія беззаконіе“, яко „возвратятся на вечеръ и взалчутъ яко песь“, и да осмѣются и да поругаются отъ всѣхъ, [и] „расточи а силою твоею“, Боже нашъ, „во гнѣвѣ кончины, и (да) не будутъ“, „мы же воспоемъ силою Твоею и возрадуемся завтра о милости Твоей, яко былъ еси заступникъ, и прибѣжище наше въ день скорби нашея“ ¹⁹⁾, [и] къ Тебѣ поемъ и воспоемъ силы Твоя, яко Тебѣ подобаетъ хвала и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Что представляетъ эта характерная по своему содержанию литургическая формула? На первый взглядъ можетъ

показаться, что это—оригинальная молитвенная формула,— плод самобытного творчества ея автора. Однако, это—только на первый взглядъ. Достаточно немного всмотрѣться въ ея содержаніе,—и становится яснымъ, что въ сущности она представляетъ полную аналогію съ чтеніями, положенными въ предыдущей редакціи, что ея содержаніе почерпнуто почти всецѣло изъ того же источника, какъ и упоминаемыхъ чтеній, т. е. изъ псалтири. Кромѣ начала и конца ея, составленныхъ изъ общепринятыхъ для того выраженій въ молитвахъ,—все прочее въ этой „*Εὐχὴ ἀφορισμοῦ*“ есть не иное что, какъ совокупность, весьма обширный сводъ выписокъ, или точнѣе отдѣльныхъ стиховъ, относящихся къ цѣли послѣдованія и взятыхъ въ самомъ разномѣрномъ объемѣ изъ очень долгаго ряда псалмовъ.

Въ частности говоря, здѣсь примѣнено къ дѣлу 17 псалмовъ, и именно: V (ст. 6—7, 10—12), VII (ст. 10, 13—17), XXVII (ст. 3—4), XXXIV (ст. 1, 3—6, 8), XXXVI (ст. 2, 9—10, 13—15, 36, 38), XXXVIII (ст. 12—13), XXXIX (ст. 2), LI (ст. 4—7), LVII (ст. 3—11), LVIII (ст. 6—14, 17—18), LXVII (ст. 3), LXVIII (ср. 29 ст.), LXXII (ст. 2, 4, 10—11, 14—17), CVIII (ст. 7—8, 10—13, 15—20, 29), CXXXIX (ст. 1, 2 (ср.), 11) и CXLIII (ст. 6). Со стороны могущаго быть близкаго соприкосновенія псалтири, по существу ея содержанія, съ тою цѣлью, для которой предполагается настоящее послѣдованіе, на этотъ разъ въ исчисленныхъ извлеченіяхъ, можно сказать, приложены къ дѣлу всѣ наиболѣе характерные въ семь отношеніи псалмы. Приложение это допускалось лишь постольку, поскольку псаломъ отвѣчаетъ идеѣ проклятія. Только такимъ, большимъ или меньшимъ, соотвѣтствіемъ содержанія и объясняется неодинаковый объемъ внесенныхъ сюда извлеченій изъ различныхъ псалмовъ.

Собираемая воедино изъ разныхъ мѣстъ псалтири, всѣ отмѣченныя извлеченія не группировались въ разсматриваемой формулѣ чисто механическимъ способомъ. Повидимому, авторъ руководился въ данномъ случаѣ и нѣкоторыми критическими соображеніями и присоединялъ одно извле-

ченіе къ другому, наблюдая нѣкоторую внутреннюю обработку своего произведенія. Это, между прочимъ, доказывается тѣмъ, что всѣ извлеченія не располагаются здѣсь въ порядкѣ слѣдованія въ псалтири тѣхъ самыхъ псалмовъ, изъ коихъ они почерпаются; напротивъ, на этотъ разъ замѣчается полнѣйшее отсутствіе примѣненія подобнаго метода, и порядокъ псалмовъ ни въ одномъ случаѣ не принимается во вниманіе. Сверхъ же того, о той же внутренней обработкѣ можно заключать и изъ того, что извлеченія изъ одного и того же псалма вносятся здѣсь въ нерѣдкихъ случаяхъ не въ одномъ мѣстѣ, а по крайней мѣрѣ въ двухъ. Въ частности, это относится къ извлеченіямъ изъ псалмовъ—VII, XXXIV, XXXVI, LVIII, CVIII и, наконецъ, отчасти CXXXIX. Что такое неоднократное обращеніе за матеріаломъ къ одному и тому же псалму не есть случайность, тому также имѣется подтвержденіе: всѣ подобныя извлеченія изъ одного и того же псалма, внесенныя въ разныхъ мѣстахъ формулы, ни въ одномъ случаѣ не повторяются.

Несмотря, впрочемъ, на указываемую внутреннюю работу при композиціи извлеченій изъ псалтири, въ разсматриваемомъ теперь текстѣ, однако, не получилось съ внутренней стороны такого произведенія, гдѣ бы всѣ составныя части были логически связаны между собою,—въ которомъ бы одно положеніе съ логическою послѣдовательностью вытекало изъ другого. Вотъ почему и при ней, въ содержаніи настоящей формулы получилось не болѣе, какъ только вообще пространное собраніе клятвенныхъ призываній на голову отлучаемаго. Иначе, впрочемъ, здѣсь и не могло быть—и въ силу самаго разнообразія проклятій, и въ виду того, что извлеченія изъ псалтири внесены почти всегда въ буквальномъ ихъ текстѣ.

При всемъ единствѣ обзрѣваемаго текста, по характеру его содержанія, однако, съ несомнѣнностью можно предполагать, что первоначально это были два особыхъ текста, только взаимно восполняющіе другъ друга. Легкій слѣдъ такой первоначальной двойственности отчасти сохранился и

теперь, въ томъ мѣстѣ, гдѣ извлеченія изъ псалтири прерываются воззваніемъ — „Отче Вседержителю“, — воззваніемъ, коимъ нерѣдко начинаются тексты отдѣльныхъ молитвъ. Въ особенности же въ вѣрности дѣлаемаго теперь предположенія съ убѣдительною удостовѣряетъ тотъ фактъ, что ниже, въ другой редакціи, мы встрѣчаемся съ формулою, которая тамъ считается самостоятельною и законченною и которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть не иное что-либо, какъ только первая часть (и именно до воззванія — „Отче Вседержителю“) разсматриваемой теперь „молитвы отлученія“. Можно наблюсти нѣкоторое различіе указываемыхъ теперь двухъ частей даже и по существу. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ большую часть собственно молитвеннаго элемента; вторая же, можно сказать, — всецѣло совокупность выписокъ изъ псалтири.

Такимъ образомъ, двухчастный составъ разсматриваемой „молитвы отлученія“ несомнителенъ. При всемъ томъ, эти двѣ части никакъ нельзя понимать, какъ два совершенно отдѣльныхъ произведенія, и тѣмъ болѣе произведенія, составленные различными авторами. Онѣ составлены въ одно время, однимъ и тѣмъ же лицомъ и, какъ только двѣ взаимно дополняющія части одного цѣлаго, предназначены обязательно для совмѣстнаго ихъ употребленія. Подтвержденіе тому можно видѣть въ одной детали разсматриваемаго текста въ его цѣломъ. Именно: въ заключеніи первой его части и въ начальныхъ строкахъ второй части, въ него внесены извлеченія изъ одного и того же псалма CVIII-го. При этомъ нужно отмѣтить, что извлеченные сюда стихи изъ указываемаго псалма въ общемъ расположены здѣсь въ порядкѣ послѣдовательности ихъ въ самомъ псалмѣ. Такою наблюденіе само собою говоритъ, что предполагаемая теперь двѣ части, разграничиваясь извѣстнымъ образомъ (и все таки не вполне рѣзко) со внѣ, въ то же самое время, въ пунктъ же ихъ внѣшняго разграниченія, связаны съ внутренней стороны, по содержанію, какъ составляющія одно цѣлое.

Въ заключеніе рѣчи все о той же „молитвѣ отлученія“ мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе. Хотя по существу своего содержанія текстъ этой молитвы представляетъ почти сплошной рядъ выписокъ изъ псалтири, соединяемыхъ обыкновенно союзомъ „и“, и не болѣе, — однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между такими выписками читаются и выраженія, вставочныя отъ самого составителя. Одно изъ такихъ выраженій будетъ указано ниже.

По разсмотрѣнной молитвѣ слѣдуютъ три краткихъ текста, надписываемыхъ каждый — „Εὐχὴ ἐτερά“, т. е. отмѣчаемыхъ — каждый въ значеніи особой молитвы. Однако, кажется, нѣтъ никакихъ основаній считать ихъ за три совершенно самостоятельныхъ произведенія. Правильнѣе смотрѣть на нихъ, какъ только на три отдѣльныя части одного цѣлаго, которыя, быть можетъ, произносились — каждая особымъ совершителемъ послѣдованія. Говоримъ такъ потому, что второй и третій изъ настоящихъ текстовъ, въ ихъ начальныхъ словахъ, совершенно чужды тѣхъ обычныхъ выраженій, которыя всегда имѣютъ мѣсто въ началѣ отдѣльныхъ молитвенныхъ произведеній; эти выраженія примѣнены здѣсь только въ первомъ текстѣ. Съ другой стороны, всѣ указываемые тексты, будучи понимаемы, какъ части одного цѣлаго, находятъ для себя объединеніе въ нѣкоторомъ тождествѣ заключительнаго выраженія („ἀλλ' ἐκ θεμελίου“) при каждомъ изъ нихъ. Отчасти о томъ-же говоритъ и заключеніе всѣхъ этихъ текстовъ „тропаремъ Іуды“ (въ сокращеніи). Но, понимая разсматриваемые три текста частями одного цѣлаго, мы все-таки должны признать, что по характеру своего содержанія они мало представляютъ что-либо цѣльное. Въ частности, первый изъ этихъ текстовъ, со стороны содержанія, напоминаетъ молитву, но только въ столь необработанномъ видѣ и съ столь туманно указаннымъ ея назначеніемъ, какія сопутствуютъ развѣ апокрифическимъ молитвамъ. Второй же и третій тексты обнимаютъ (второй — всецѣло, а третій — почти также) однѣ выписки изъ псалтири, и именно изъ псалмовъ — CVIII и LXXVII и LXXIII; изъ

нихъ только первый прилагался въ случаяхъ, указанныхъ выше. Если во второй части эти извлечения вообще отвѣчаютъ цѣли послѣдованія, то относительно части третьей нельзя сказать того же самого.

Обращаясь вообще къ внутренней сторонѣ тѣхъ же текстовъ, — нужно сказать, что написанные въ настоящемъ кодексѣ несомнѣнно малограмотнымъ писцомъ, они весьма страдаютъ въ отношеніи ясности и послѣдовательности своего изложенія. Вотъ почему извлечения изъ отмѣченныхъ теперь псалмовъ (какъ, впрочемъ, и въ другихъ текстахъ настоящаго памятника) внесены сюда безъ всякой связи другъ съ другомъ, а нѣкоторыя мѣста перваго текста страдаютъ неясностью.

Говоря вообще о настоящей „Еὐχὴ“, взятой въ объемъ всѣхъ трехъ ея частей, на основаніи всего теперь отмѣченнаго въ ней, можно въ заключеніе сказать: авторъ придавалъ значеніе своей молитвѣ не столько по существу содержанія, сколько съ чисто внѣшней формальной стороны. Крайне искусственная конструкция съ дѣленіемъ на три части вполне подтверждаетъ послѣднее. Особенно то же самое надо сказать, принимая во вниманіе, что при такомъ дѣленіи, каждая часть заключается нимало не связаннымъ съ нею, а просто механически присоединяемымъ къ ней выраженіемъ — „ἀλλ' ἐκ θεμελίου“. Употребленное здѣсь, кажется, подъ воздѣйствіемъ СXXXVI-го псалма (ст. 10), и, повидимому, въ смыслѣ формулы, имѣющей значеніе только по ея слововыраженію, оно невольно приближаетъ всѣ трактуемые тексты къ типу заговорныхъ формулъ.

Еще одно слово о тѣхъ же трехъ текстахъ. По общему характеру содержанія они имѣютъ аналогію съ другими формулами разсматриваемаго памятника. Но они и замѣтно отличаются сравнительно съ послѣдними съ внѣшней стороны, въ особенности своимъ приближеніемъ къ типу заговорныхъ формулъ. Эта ихъ сторона, а также и заключеніе ихъ „тропаремъ Иуды“, внесеннымъ въ данномъ случаѣ — рѣшительно безъ какого либо осязательнаго мотива, даютъ

достаточное основаніе для того предположенія, что всѣ они вмѣстѣ съ указываемымъ тропаремъ, не суть изначальное достояніе настоящей редакціи; болѣе вѣроятно, что они принесены сюда изъ какой-либо другой редакціи.

Равнымъ образомъ, далѣе, не имѣется основаній считать за отдѣльные и два послѣдующихъ затѣмъ текста, изъ которыхъ первый надписанъ — „Εὐχὴ ἑτέρα“, а къ надписанію второго, добавлено еще и [τῆς] „κατάρως“. Послѣдній изъ нихъ долженъ пониматься не болѣе какъ заключеніемъ къ предыдущему; надписаніемъ „κατάρως“ указывается только на существо его содержанія, въ отличіе отъ первой половины текста, заключающей въ себѣ собственно общее моленіе. Несомнѣнная связь и единство этихъ текстовъ устанавливается и отсутствіемъ какого-либо особаго вступленія предъ вторымъ текстомъ, и тѣмъ, что въ начальномъ его выраженіи проводится та же идея, какая и въ заключеніи перваго текста. Наконецъ, о томъ же говорить пользование въ обоихъ этихъ текстахъ одною и тою же формулою для призванія проклятія свеще („Ἀποδοῦ ἀνταπόδομα αὐτῶν“), которою и заключается весь второй текстъ.

Со стороны содержанія оба эти текста, сравнительно съ другими формулами, имѣютъ одну особенность. Въ то время, какъ всѣ прочія формулы черпаютъ свое содержаніе по преимуществу, если не всецѣло, изъ псалтири, трактуемые тексты имѣютъ соприкосновеніе съ послѣднею только отчасти, и потому болѣе подходятъ подъ понятіе формулъ именно молитвенныхъ.

Слѣдующая затѣмъ формула также имѣетъ надписаніе — „Εὐχὴ ἑτέρα“, но съ добавленіемъ — „τῆς ἀφορίσεως“. Послѣ же нея читаются еще пять текстовъ, съ надписаніемъ каждаго просто — „Εὐχὴ ἑτέρα“. Всѣ эти шесть текстовъ даютъ поводъ къ такимъ частнымъ замѣчаніямъ.

Первый изъ нихъ (по общему счету — 7-й) есть не иное что, какъ вариантъ начальной части первой же изъ разсмотрѣнныхъ выше формулъ. То же самое нужно сказать и относительно начальной тирады второго (т. е. 8-го) текста.

Послѣдующая же его тирада („Ἐχομεν ἀπὸ τοῦ ἀφορισμένου“) представляет сокращенное извлечение изъ формулы съ надписаніемъ „Κατάρα“, которую имѣемъ разсматривать ниже (по общему счету—13-я). Далѣе, конецъ послѣдней здѣсь тирады и начало затѣмъ третьяго (т. е. 9-го) текста также имѣютъ для себя параллель въ указанной первой формулѣ настоящаго послѣдованія. Этотъ третій текстъ и всѣ дальнѣйшіе (4—6, а по общему счету—10—12-й) тексты, хотя въ общемъ и отличаются по содержанію отъ другихъ формулъ, однако въ деталяхъ нерѣдко совпадаютъ съ ними.

Одновременно съ отмѣчаемымъ отношеніемъ разсматриваемыхъ текстовъ по содержанію къ другимъ формуламъ, здѣсь наблюдается, что первый и второй, второй и третій, пятый и шестой тексты раздѣляются другъ отъ друга надписаніемъ — „Εὐχὴ ἑτέρα“, такъ сказать, на половинѣ цѣльнаго предложения, а четвертый и пятый, будучи раздѣленными, въ сущности посвящены одной общей идеѣ.

Наконецъ, только въ первомъ изъ всѣхъ этихъ текстовъ мы читаемъ обычное въ молитвахъ вступленіе и только послѣдній изъ нихъ имѣетъ свойственное молитвеннымъ формуламъ заключеніе.

Совокупность всѣхъ отмѣчаемыхъ теперь наблюдений, можно сказать—съ принудительностью, приводитъ прежде всего къ такому заключенію: всѣ разсматриваемые теперь шесть, якобы отдѣльныхъ, текстовъ въ дѣйствительности представляютъ одну цѣльную формулу проклинательнаго назначенія. Этимъ и объясняется, почему только первый изъ нихъ надписанъ — „Εὐχὴ ἑτέρα τῆς ἀφορίσεως“, а прочіе, относящіяся къ этому же циклу, обычно надписаны — „Εὐχὴ ἑτέρα“, хотя послѣдующій съ ними текстъ носитъ уже особое надписаніе — „Κατάρα“. вмѣстѣ съ тѣмъ, совпаденіе такой цѣльной формулы, въ ея первой половинѣ, и не только по содержанію, но даже и по тексту, само собою говоритъ, что мы имѣемъ на этотъ разъ дѣло съ текстомъ компилятивнымъ, составленнымъ путемъ извлеченій изъ другихъ готовыхъ формулъ, но никакъ не съ произведеніемъ само-

стоятельнаго творчества. Съ другой стороны, то же самое совпаденіе первыхъ текстовъ и по содержанію и по изложенію съ другими текстами настоящаго послѣдованія не менѣе ясно говоритъ, что трактуемая теперь шести-частная формула не есть формула, нарочито составленная для этого послѣдованія; въ такомъ составленіи, такъ сказать повторнаго текста, не было никакого мотива; такимъ образомъ эта формула въ данномъ случаѣ привносная изъ другого источника. Ко всему этому остается еще добавить, что дѣленіе всей настоящей формулы на шесть частей, т. е. на то же самое число, которое примѣнено и къ дѣленію всѣхъ предшествующихъ формулъ (взятыхъ въ ихъ совокупности), невольнo предполагаетъ усвоеніе здѣсь этому тексту значенія тождественнаго съ совокупностью предыдущихъ текстовъ.

Спеціально останавливаться на содержаніи обзорѣваемыхъ теперь текстовъ не усматривается надобности; они повторяютъ въ существѣ дѣла читаемое въ группѣ формулахъ. Можно отмѣтить развѣ то одно, что въ этихъ текстахъ собственныя изреченія составителя порою преимуществуютъ надъ извлеченіями изъ псалтири. Послѣднія, сверхъ того, страдаютъ здѣсь—и безсистемнымъ ихъ примѣненіемъ, и замѣтною отрывочностью. Въ изреченіяхъ отъ своего лица, добавимъ, составитель одного изъ этихъ текстовъ придерживается того метода выраженій, какой свойственъ собственно заклинательнымъ формуламъ. Это—когда мы читаемъ здѣсь выраженія: „λέγω τὴν ἀλήθειαν“ и пр.

Дальнѣйшая формула (по нашему счету—пятая, а по распредѣленію составителя 13-я)—единственная въ ряду всѣхъ текстовъ настоящей редакціи, которая производитъ впечатлѣніе послѣдовательно и стройно изложеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣльно обработаннаго произведенія. Текстъ надписанъ не— „Εὐχὴ“, какъ прочіе тексты, а— „Κατάρα“. И дѣйствительно, по существу содержанія, эта формула всецѣло проклятiе, составленное, притомъ, въ весьма энергичныхъ словахъ. И для нея матеріаломъ послужили отчасти псалмы (и именно— XXXIV, LXXXII и CVIII), въ наиболѣе

характерныхъ ихъ выраженіяхъ. Однако, въ отличіе отъ другихъ формулъ, текстъ ея заполненъ по преимуществу выраженіями самого автора. Въ послѣднихъ проклятіе базируется уже на относящихся сюда христіанскихъ воззрѣніяхъ. Надписывая настоящій текстъ— „Катара“, авторъ, очевидно, усваиваетъ ему главное, совершительное значеніе во всемъ послѣдованіи. Примѣнительно же къ этому не обосновательно думать, что первоначально это „Катара“ и было заключительною формулою всего послѣдованія.

Трактуемая теперь формула въ переводѣ имѣетъ такое чтеніе :

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа и Святаго Бога Вседержителя, живоначальной Троицы, одного и единого Бога.

Имѣемъ ихъ отлученными (чит.—един. число) и да будетъ часть ихъ съ Иудею предателемъ, предавшимъ Господа нашего Иисуса Христа Иудеямъ. Имѣемъ ихъ отлученными (един. число) отъ—иже во святыхъ отецъ нашихъ Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, Николая Мурликійскаго, и всѣхъ святыхъ іерарховъ. Имѣемъ ихъ отлученными (един. число) отъ святыхъ пророковъ Іліи и Елисея. Имѣемъ его отлученнымъ отъ блаженныхъ отецъ нашихъ Антонія, Евѣимія, Харитона и Саввы и всѣхъ святыхъ отецъ. Имѣемъ его отлученнымъ отъ вселенскаго патріарха Арсенія и отъ святѣйшаго патріарха Софронія. Имѣемъ его отлученнымъ отъ вселенскаго патріарха (который нынѣ), и отъ всѣхъ митрополитовъ, епископовъ, іереевъ, монаховъ, діаконовъ и іподіаконовъ, и клириковъ и мірянъ и отъ всѣхъ православныхъ христіанъ. Отлучаемъ его съ дѣтьми и родами родовъ его“ *).

Да будетъ онъ [всѣ] лѣта жизни его на землѣ страдая и трясясь, какъ Каинъ. „Да будетъ путь его тьмою и паденіемъ и Ангелъ Господень да поразитъ его мечемъ огнен-

*) Отмѣтки, соотвѣтствующія цитатамъ въ слѣдующей тирадѣ, см. ниже подъ греческимъ текстомъ.

нымъ“ *), и какъ въ землѣ Мадіамской не обрящется зеленаго побѣга, такъ и въ его жилищѣ да не будетъ обрѣтенъ благой день, но да будутъ—имущество его, а также, что имѣетъ и что сдѣлаетъ, во всяческую погибель, „какъ Ориву, Зиву и Зевею и Салману“ *). И „діаволь да станетъ одесную его“, и „всегда судитися ему да изыдетъ осужденъ“. „Да будутъ сынове его сири и жена его вдова. Да будутъ чада его въ погубленіе“ и „въ родѣ единомъ да потребится имя его“, ибо „возлюби клятву, и придетъ ему, и не восхотѣ благословенія, и удалится отъ него. И облечеса въ клятву яко въ ризу, и вниде яко вода во утробу его“ *). И какъ распалась башня Силоамская и погребла тридцать тысячъ мужей, такъ да исчезнетъ имя его отъ земли живыхъ, и да получитъ въ удѣлъ проказу Гіезія, и да будетъ часть его съ Иудею и произнесимъ: „возьми, возьми, распни его! Да нападетъ на нихъ (=него) страхъ и трепеть и всякая болѣзнь! Слыши небо и восплачь! Внемли земля и трепещи! И да имѣетъ проклятіе и мною грѣшнымъ, прочетшимъ эту катару, отъ „предняго ему до задняго“, „отъ десныхъ его до ошуй его“, и ты, Господи, скорый на осужденіе направляющихъ, дай оправданіе моленію моему и суду моему грѣшнаго раба твоего, да славимъ тебя во вѣки. Аминь.

Въ приведенномъ теперь текстѣ, для опредѣленія исторической судьбы разсматриваемаго памятника, въ особенности обращаетъ на себя вниманіе перечень нѣкоторыхъ лицъ, отъ именъ которыхъ также ниспосылается проклятіе преступнику. Въ частности здѣсь упоминаются общеизвѣстные подвижники монашества— Антоній, Евѣимій, Харитонъ и Савва. Затѣмъ упоминаются еще два патріарха— вселенскій Арсеній и вообще святѣйшій Софроній. Какъ очевидно, въ ряду подвижниковъ монашества на этотъ разъ упоминаются только подвижники далекаго Востока и собственно (исключая Антонія) подвижники Іерусалимской церкви. Отсюда обосновательно предполагать, что и родина составленія настоящаго послѣдованія, допустимъ—хотя бы и не въ этой самой редакціи,—если и не Іерусалимская область,

то вообще былъ далекій Востокъ. Съ другой стороны упоминаніе,—если оно только вѣрно,—именно про вселенскаго патріарха Арсенія, какъ повидимому послѣдняго, изъ извѣстныхъ автору вселенскихъ патріарховъ, даетъ нѣкоторое указаніе къ опредѣленію времени составленія, опять—если не всего обозрѣваемаго памятника въ цѣломъ, то по крайней мѣрѣ разсматриваемой формулы. До времени написанія настоящаго списка, т. е. до 1542 г., въ ряду вселенскихъ, т. е. константинопольскихъ, патріарховъ извѣстенъ только одинъ съ именемъ Арсенія. Это—Арсеній, двукратно занимавшій константинопольскій престолъ въ XIII вѣкѣ и собственно—въ 1255—1260 и 1261—1266 гг. Если цитуемое показаніе вѣрно, то, слѣдовательно, и занимающій теперь насъ текстъ былъ составленъ во всякомъ случаѣ не позже XIII вѣка ¹⁾.

Послѣ формулы, написанной „Κατάρα“, въ разсматриваемой же редакціи слѣдуетъ еще одна (по нашему счету 6-я) формула подъ общимъ же (какъ и выше) надписаніемъ— „Εὐχὴ ἐτέρα“. Нужно сказать, однако, что такимъ надпи-

¹⁾ Нужно сказать, что кромѣ Арсенія, патріарха константинопольскаго, съ такимъ же именемъ извѣстенъ и патріархъ Антіохійскій 1283—1286 г. При этомъ, въ виду упоминанія здѣсь, въ связи съ именемъ патріарха Арсенія, и имени патріарха Софронія, нельзя не обратить вниманія, что патріархи съ такимъ именемъ, и притомъ послѣ патріарховъ съ именемъ Арсенія и до 1542 г., были въ Константинополѣ же и въ Антіохіи (нач. XIV в.). Примѣнительно къ этимъ даннымъ, а также считая, что титуломъ „святѣйшій“ указывается на ближайшаго ко времени составителя послѣдованія патріарха, позволительно заключать, что здѣсь разумѣется Софроній, патріархъ Константинопольскій 1465—1466 г. Но если не придавать значенія титулу „вселенскій“ при имени патр. Арсенія, то это упоминаніе съ равнымъ правомъ можно относить и къ указаннымъ патріархамъ Антіохійскимъ XIII—XIV вв. Принимая первое предположеніе, мы, по этому самому, должны признать употребленіе на практикѣ настоящаго послѣдованія въ Константинопольской церкви. Соглашаясь же со вторымъ предположеніемъ, мы и въ этомъ случаѣ должны будемъ отнести составленіе настоящей формулы не позже XIII в., а вмѣстѣ съ тѣмъ получили бы еще большее основаніе считать родиню ея далекій Востокъ, и вообще—Сирію.

саніемъ здѣсь обнято—не только самая молитва, но и два приложенія къ ней. Послѣдними служить уже извѣстный намъ „тропарь Іуды“, внесенный сюда, впрочемъ, безъ такого надписанія, и краткое заключительное моленіе.

Всматриваясь въ содержаніе собственно формулы, нельзя не видѣть, что по общей своей конструкціи она напоминаетъ первую формулу въ настоящемъ памятникѣ. Она также состоитъ изъ двухъ частей, обнимающихъ въ ихъ совокупности—и молитвенныя выраженія, и извлеченія изъ псалмовъ. Но при такой внѣшней аналогіи, по существу здѣсь большое различіе. И прежде всего—молитвенный элементъ и извлеченія изъ псалмовъ въ данномъ случаѣ не переплетаются другъ съ другомъ, а совершенно разграничены другъ отъ друга. При такомъ разграниченіи первая часть обнимаетъ именно молитвенную формулу; вторая же часть посвящена исключительно извлеченіямъ изъ псалмовъ. Совершенно различаясь другъ отъ друга по содержанію, эти части и внесены въ послѣдованіе совершенно же безъ всякой внѣшней и тѣмъ болѣе внутренней связи. Принадлежность ихъ къ одному цѣлому можетъ выводиться развѣ изъ того, что эти два текста внесены въ оригиналъ—непосредственно одинъ за другимъ, безъ всякаго раздѣленія и притомъ объединяясь общимъ для нихъ надписаніемъ— „Εὐχὴ ἐτέρα“.

Первая изъ указываемыхъ теперь частей представляетъ не столько молитву, сколько проклятіе. Примѣнительно къ подобнымъ текстамъ, изложеннымъ въ томъ же памятникѣ выше, она хотя и не представляетъ чего-либо оригинальнаго,—однако и не совпадаетъ ни съ однимъ по своему изложенію. Взамѣнъ того, она представляетъ повтореніе (только менѣе исправно написанное) одного изъ текстовъ въ редакціи, которую будемъ разсматривать ниже. Имѣя въ виду, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ данная часть представляетъ совершенно самостоятельный текстъ, мы имѣемъ право сказать, что первоначально она была именно самостоятельной молитвою и въ настоящемъ случаѣ соединеніе ея со второю частью—есть уже позднее ея усложненіе.

Вторая часть, обнимая, какъ сказано, исключительно извлеченія изъ псалмовъ, представляетъ въ этомъ отношеніи близкую аналогію съ цѣлымъ рядомъ изложенныхъ выше текстовъ. Тѣмъ не менѣе, по существу, она представляетъ совершенно оригинальное произведеніе. Въ частности, здѣсь мы не находимъ примѣненія къ дѣлу какихъ нибудь нарочито избранныхъ псалмовъ, болѣе или менѣе отвѣчающихъ своимъ содержаніемъ цѣлямъ послѣдованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ не находимъ какого-либо критическаго отношенія автора къ вносимымъ имъ извлеченіямъ. На этотъ разъ мы встрѣчаемъ нѣчто очень своеобразное. Именно: авторъ взялъ псалтирь и въ порядкѣ послѣдовательности въ ней псалмовъ дѣлаетъ болѣею частью очень краткія (1—2 стиха) извлеченія изъ столь долгаго ряда, какъ 22 псалма, и собственно изъ псалмовъ: I—XXXIV съ (пропусковъ псалмовъ: IV, VII, XIII—XV, XVII, XXI—XXIII, XXV, XXVIII и XXXI—XXXII).

Авторъ совершенно не руководствовался идеею составить текстъ именно проклятія. О томъ само собою говорить наблюденіе, что псалмовъ, изъ соотвѣствующихъ идеѣ проклятія, здѣсь имѣетъ приложеніе только одинъ — XXXIV псаломъ. Мало того, совершенно не видно даже и того, чтобы при своихъ извлеченіяхъ авторъ руководствовался и вообще какою-либо внутреннею идеею; эти извлеченія, повидимому, брались по какому-то чисто формальному мотиву. О томъ само собою свидѣтельствуетъ одинъ планъ изложенія здѣсь выписокъ, т. е. въ порядкѣ псалмовъ. Особенно же такъ слѣдуетъ потому, что въ результатѣ композиціи извлеченій изъ псалтири у составителя рѣшительно не создано чого-либо стройнаго и осмысленнаго, а получился только рядъ изреченій, болѣею частью нимало не связанныхъ другъ съ другомъ и нерѣдко совершенно не объяснимыхъ со стороны мотивовъ ихъ привнесенія. Въ общемъ, впрочемъ, иногда здѣсь можно уловить идею составить молителный текстъ о защитѣ неповиннаго и наказанія грѣшника, но и это случилось едва ли по намѣренію автора.

Руководясь указываемымъ теперь приѣмомъ составленія настоящаго текста, возможно предполагать, что послѣдній не представляетъ законченнаго произведенія. При такомъ способѣ заполненія формулы естественно было бы ожидать, что авторъ приложитъ къ дѣлу возможно большее количество псалмовъ, дабы выразить идею примѣненія сюда псалтири (внѣшнимъ образомъ—) въ цѣломъ составѣ. Съ другой стороны, тотъ-же методъ составленія текста невольно говоритъ, что авторъ его полагалъ силу настоящаго послѣдованія въ примѣненіи не извѣстныхъ, относящихся сюда по содержанію, псалмовъ, а именно вообще псалтири. Исходя изъ послѣдняго, мы вправѣ заключить, что рассматриваемый текстъ сравнительно поздняго происхожденія и, какъ безыдейный по содержанію, не имѣлъ широкаго примѣненія.

Къ рассмотрѣнной формулѣ, какъ сказано, присоединены „тропарь Іуды“ и затѣмъ краткая молитва. Если припомнимъ, что и выше требуется же произношеніе перваго, то изъ такого сопоставленія можно заключить, что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ требованіемъ, которое находится въ связи не столько со всѣмъ послѣдованіемъ, сколько собственно съ только что рассмотрѣнною формулою.

Что касается до помянутой краткой молитвенной формулы, которою и заканчивается въ рукописи изложеніе всего послѣдованія, то она не имѣетъ никакого надписанія и содержитъ въ себѣ прошеніе вообще объ исполненіи моленія совершителя послѣдованія. При такомъ ея характерѣ она можетъ считаться вполне умѣстной, какъ заключеніе послѣдованія. Однако, можно думать, что въ настоящемъ спискѣ оно случайное наслоеніе. Такъ слѣдуетъ потому, что эта заключительная молитва представляетъ въ оригиналѣ приписку другой руки.

Нами оконченъ обзоръ матеріала, который входитъ въ содержаніе рассматриваемаго теперь памятника. Въ общемъ, по нашему счету это послѣдованіе обнимаетъ, включая сюда и молитву, приписанную другою рукою, семь отдѣльныхъ

формуль. По предположенію же составителя такихъ формуль здѣсь—не менѣе 14-ти. Такое удвоенное число ихъ обуславливается тѣмъ, что, по нашему мнѣнію, авторъ раздѣлилъ формулы: вторую—на три отдѣльныя части, третью—на двѣ и четвертую даже на шесть частей. Дѣйствительность такого раздѣленія со всею очевидностью устанавливается наблюдениемъ надъ текстами, которые мы относимъ къ четвертой формуль.

Спрашивается, чѣмъ вызвано такое дѣленіе, иногда повидимому ничѣмъ не оправдываемое? Въ отвѣтъ на это припомнимъ, что въ первой редакціи наблюдается совершенно аналогичное явленіе, когда тамъ вошедшіе въ содержаніе три псалма раздѣлены для ихъ чтенія на семь частей, по числу участниковъ въ совершеніи обряда. Дѣленіе молитвенныхъ формуль въ занимающемъ насъ случаѣ несомнѣнно служить отголоскомъ той-же самой практики. Если оно не находитъ для себя объясненія во вводныхъ уставныхъ замѣчаніяхъ, то только потому, что по нимъ послѣдованіе можетъ быть совершено и однимъ священникомъ.

Объясняя дѣленіе формуль по тому же мотиву, какой имѣлъ мѣсто и въ первой редакціи, мы, однако, сталкиваемся, повидимому, съ весьма рѣзкимъ несоотвѣтствіемъ. При дѣленіи цѣльныхъ формуль на части въ нашемъ памятникѣ получается не семь, какъ должно бы быть, а по крайней мѣрѣ 14 текстовъ. Такое несоотвѣтствіе, по нашему мнѣнію, только кажущееся и довольно легко можетъ быть объяснено. Какъ сказано выше, формулу съ надписаніемъ— „Κατάρα“, несомнительно можно понимать наиболѣе существеннымъ моментомъ всего послѣдованія, и потому правильно предполагать, что она должна быть въ немъ заключительнымъ чтеніемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ припомнимъ, что съ полною же основательностью формулу съ надписаніемъ „Εὐχὴ ἐτέρᾳ τῆς ἀφορίσεως“, раздѣленную на шесть частей, нужно считать привнесениемъ изъ другого источника. Въ дополненіе ко всему этому нужно припомнить, наконецъ,

и то, что всѣ (3) формулы предъ этою „молитвою отлученія“ раздѣлены въ оригиналѣ, въ общей ихъ совокупности, на шесть же частей. Если теперь мы исключимъ изъ послѣдованія, какъ вставную „Εὐχὴ τῆς ἀφορίσεως“, со всѣми ея дѣленіями, то получимъ: предшествующіе ей шесть текстовъ и „Κατάρα“,—которые должны считаться основнымъ элементомъ въ послѣдованіи,—дѣйствительно составляютъ семь частей, т. е.—какъ и должно быть по нашему объясненію трактуемаго дѣленія на части отдѣльныхъ формуль.

Если, однако, все есть дѣйствительно такъ, какъ мы теперь объясняемъ, то спрашивается,—для чего же тогда внесена еще „Εὐχὴ τῆς ἀφορίσεως“, чѣмъ явно нарушается основное седмичное число? И это недоумѣніе находитъ для себя разрѣшеніе. Припомнимъ, что въ значительной долѣ повторяя содержаніе другихъ формуль, „Εὐχὴ τῆς ἀφορίσεως“ можетъ съ достаточнымъ основаніемъ пониматься равнозначащею всей совокупности формуль, предшествующихъ ей. Прибавимъ къ этому, что и она также раздѣлена на шесть частей, и слѣдовательно, съ приложеніемъ къ ней еще формулы съ надписаніемъ „Κατάρα“, обниметъ семь же текстовъ. Отсюда ясно, что чрезъ привнесеніе „Εὐχὴ τῆς ἀφορίσεως“, компиляторъ направляется къ тому, чтобы предоставить возможность отправлять послѣдованіе проклятія на выборъ—или по основному тексту, или же примѣняя для того и указываемую теперь формулу, только съ присоединеніемъ къ ней изъ основного текста формулы „Κατάρα“. Такимъ образомъ, по нашему представленію, въ настоящемъ памятникѣ совмѣщены параллельно двѣ редакціи, объединяемыя только вводнымъ уставомъ и формулою проклятія.

Принимая такое объясненіе, мы, наконецъ, должны рѣшить еще одинъ вопросъ—какое же имѣетъ въ такомъ случаѣ назначеніе слѣдующая за „Κατάρα“, только что разсмотрѣнная нами „Εὐχὴ ἐτέρᾳ“, съ присоединеннымъ къ ней „тропаремъ Іуды“ и приписанной краткой общей

молитвой?—Отвѣтъ на это можетъ быть только слѣдующій. Указываемая (14-я) „Εὐχὴ ἐτέρα“, какъ сказано, въ молитвенной ея части, не представляетъ чего-либо новаго и имѣетъ для себя (по содержанию) повтореніе въ предыдущихъ текстахъ. Но въ болѣе существенной ея части,—части, обнимающей извлеченія изъ псалмовъ, она представляетъ произведеніе, конструированное совершенно на другихъ началахъ, нежели всѣ аналогичные тексты въ трактуемомъ послѣдованіи; съ этой стороны,—со стороны метода пополненія ея матеріаломъ изъ псалтири, она, можно сказать, прямо противоположна прочимъ формуламъ. Отмѣтимъ при этомъ, что по характеру отношенія ея составителя къ псалмамъ, та же формула можетъ быть отнесена по происхожденію, какъ сказано, къ болѣе позднему времени. Исходя изъ того и другого, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что при всей ея наибольшей пространности, сравнительно съ другими формулами, настоящая формула, однако, не подверглась дѣленію на части, мы съ несомнѣнностью должны считать ее отдѣльнымъ приложеніемъ изъ какого-то особаго источника. Если же, сверхъ того, считать формулу „Κατάρα“, какъ заключительную для всего послѣдованія, то проводимый теперь взглядъ нужно распространить и на слѣдующій затѣмъ „тропарь Иуды“, и быть можетъ и на заключающую весь памятникъ краткую молитву. При этомъ, если „тропарь Иуды“ присоединяется здѣсь почти безъ обособляющихъ его надписаній, какъ затѣмъ присоединена и краткая молитва,—и если, поэтому, то и другое, вмѣстѣ съ формулою, должно трактоваться какъ единое цѣлое, то ничто не препятствуетъ усматривать въ трактуемомъ приложеніи—особую, цѣльную (но краткую и не разработанную) редакцію послѣдованія. Особенно такъ можно говорить, признавая „тропарь Иуды“ однимъ изъ основныхъ элементовъ занимающаго насъ послѣдованія. Правда, эта предполагаемая особая редакція надписывается здѣсь не „Ἀχολουθία“, а просто—„Εὐχὴ“. Но такое надписаніе могло быть усвоено ей,—и благодаря ея краткости, и изъ намѣренія ввести ее, какъ

составной элементъ въ предшествующее содержаніе памятника. При томъ же, какъ увидимъ далѣе, въ той же самой рукописи, ниже, особое послѣдованіе, дѣйствительно, и носить аналогичное надписаніе—„Εὐχαι“.

Подводя общій итогъ всѣмъ нашимъ послѣднимъ разсужденіямъ, мы имѣемъ право сказать: въ разсмотрѣнномъ памятникѣ предъ нами не единая цѣлостная редакція, а соединеніе отчасти въ цѣломъ, а главнымъ образомъ въ существенныхъ ихъ частяхъ, по крайней мѣрѣ трехъ редакцій занимающаго насъ послѣдованія. Это соединеніе почти не носитъ характера какой-либо обработки. Оно представляетъ простое механическое сочетаніе всего собраннаго теперь матеріала, которое, притомъ, не имѣетъ никакихъ признаковъ законченности. Вотъ чѣмъ объясняется, что послѣ вводныхъ уставныхъ замѣчаній здѣсь не имѣется рѣшительно ни одного пояснительнаго указанія. Въ заключеніи всего памятника мы не находимъ даже такого лаконическаго замѣчанія, какъ „τέλος“, которое все-таки поставилъ переписчикъ предыдущаго памятника.

III.

Въ дополненіе и въ параллель только что описанному послѣдованію, въ той же самой рукописи и тотчасъ же по немъ, помѣщено другое, тожественное по назначенію, послѣдованіе подъ заглавіемъ—„Ἀχολουθία καὶ ἐπιτίμιον, γινόμενον ἐπὶ ἀδελφῶν πραγμάτων“, т. е., „Послѣдованіе и запрещеніе, бываемое относительно пропавшихъ вещей“. Въ сущности дѣла это послѣдованіе, со стороны его содержанія, совпадаетъ съ предыдущимъ. Отличается оно главнѣйшимъ образомъ своею сравнительною краткостью. Имѣются въ немъ, впрочемъ, и другія немаловажныя особенности.

Молитвенному элементу здѣсь предпосылается обычное начало послѣдованія. При этомъ, однако, въ настоящемъ спискѣ совершенно отсутствуетъ какой-либо элементъ уставной въ тѣсномъ смыслѣ и потому нѣтъ ни малѣйшаго

упоминанія о какихъ-либо обрядовыхъ дѣйствіяхъ;—по обычномъ началѣ тотчасъ положено чтеніе трехъ молитвъ, коими собственно и обнимается все дальнѣйшее послѣдованіе. Соотвѣтственно съ этимъ и по изложеніи заключительной молитвы здѣсь не упоминается—ни про отнустъ, ни про какія-либо дѣйствія.

О внесенныхъ сюда молитвахъ вообще надо сказать, что какихъ-либо совершенно новыхъ для насъ текстовъ онѣ не представляютъ. Въ частности, вторая изъ этихъ молитвъ есть собственно послѣдняя формула (14-я) предыдущаго памятника, съ неособенно важными вариантами; однако, въ настоящемъ случаѣ текстъ ея обнимаетъ только первую (именно молитвенную) часть этой формулы. Такимъ образомъ, здѣсь нѣтъ того пространнаго „престеженія“ къ ней, которое содержитъ краткія выписки изъ долгаго ряда псалмовъ, въ порядкѣ послѣдовательности ихъ въ псалтири. Равнымъ образомъ и третья молитва этого списка представляетъ только повтореніе (и съ незначительными вариантами) первой молитвы въ томъ же самомъ предыдущемъ послѣдованіи, и опять таки повтореніе, обнимающее только первую часть этой послѣдней молитвы.

Что касается до первой молитвы, то и она, наконецъ, не есть что-либо новое и оригинальное, но представляетъ пятую молитву того-же послѣдованія, то есть, молитву, написанную „Κατὰ ρα“. На этотъ разъ, однако, наблюдается менѣе тождества между двумя текстами, и въ томъ и другомъ списокѣ подразумѣваемой теперь молитвы позволительно усматривать два различныхъ извода. Существенное отличіе извода въ занимающемъ насъ случаѣ составляетъ его заключительная часть, которая редактирована здѣсь въ такомъ чтеніи: „Да будетъ же участь его (проклинаемаго) съ Іудеями, смѣсившимися съ чуждыми народами! Прими ты проклятіе и отъ меня грѣшнаго іерея! Слыши земля, и трепещи! Слыши небо, и восплачь! Слышите звѣзды и свѣтила, и померкните! Слыши море, и обратися вспять! Слыши земля, и да не примешь сего еретика! Слыши и ты,

еретикъ и преступникъ, и исповѣдай, Искаріотъ, беззаконіе твое! Слышите горы, холмы и долины, и всѣ христіане и проклинайте сего еретика и преступника“!

И въ остальномъ содержаніи той же формулы, впрочемъ, имѣется одна частность, которую нельзя не отмѣтить. Это—произнося отлученіе отъ лица патріарховъ, авторъ упоминаетъ не—вообще вселенскаго Арсенія и святѣйшаго Софронія, а—„вселенскаго патріарха кврѣ Арсенія Іерусалимскаго и кврѣ Аѳанасія Александрійскаго“. Такимъ образомъ, подъ первымъ здѣсь разумѣется именно іерусалимскій патріархъ. Таковымъ скорѣе всего будетъ іерусалимскій патріархъ съ этимъ именемъ бывший въ 1146 г.¹⁾ Изъ александрійскихъ-же патріарховъ это упоминаніе можно отнести только къ Аѳанасію III (1270—1308 г.). Упоминаніе про этихъ патріарховъ еще разъ подтверждаетъ высказанное выше предположеніе, что родиною настоящаго послѣдованія былъ только далекій Востокъ и что составленіе по крайней мѣрѣ трактующей формулы нужно отнести ко времени около XII—XIII вв.

Кромѣ всѣхъ отмѣченныхъ молитвъ и въ настоящемъ списокѣ также имѣетъ приложеніе „тропарь Іуды“ написанный здѣсь уже—„χοὐτάχιον“,—но это приложеніе сдѣлано (по сейчасъ разсмотрѣнной молитвѣ) только единственный разъ.

Сверхъ же всего указаннаго, въ настоящемъ чинѣ, по второй молитвѣ, читается такая вставка: „Іуда Искаріотъ бросилъ тридцать сребренниковъ предъ архіереемъ; онъ держалъ кассу и поднялъ брошенное, и въ тотъ вечеръ мучился во время всей ночи тѣмъ, что предалъ Господа нашего Іисуса Христа; такъ и укравшій вещь (у такого то), да не спить [и] да не „κατοῦρήσῃ“ до семи дней“. Вставка эта, съ внутренней ея стороны, какъ очевидно, мало вяжется съ общимъ характеромъ всего послѣдованія. И не будетъ, поэтому, ошибкою сказать, что отмѣчаемый теперь текстъ есть

¹⁾ Арсеній II. Другой—Арсеній I—былъ патріархомъ около начала XI вѣка.

не иное что, какъ апокрифическій заговоръ на случай открытія вора. Упомянутое про Иуду и угрызеніе его совѣстью, а равно и закліаніе—„ὁ κατὸρῆση“,—это частности, которыя не разъ наблюдаются въ подобныхъ заговорахъ ¹⁾).

Сравнивая теперь еще разъ настоящее послѣдованіе съ предыдущимъ памятникомъ,—кромѣ указанной выше краткости, въ немъ нельзя не отмѣтить еще одной особенности; это—указываемая теперь краткость достигается не только на счетъ ограниченія числа молитвъ, но и чрезъ сокращеніе самаго ихъ текста. При этомъ сокращеніе дѣлается въ послѣднемъ случаѣ путемъ исключенія текстовъ, всецѣло заимствованныхъ изъ псалмовъ. Благодаря такой особенности, настоящее послѣдованіе уже очень далеко отстываетъ отъ „псалмокатары“ въ ея чистомъ видѣ и скорѣе представляетъ вообще молитвенно-заклинательное послѣдованіе для намѣченной въ немъ цѣли.

IV.

Какъ мы видѣли, по большей части изложенныхъ редакцій, рассматриваемое дѣйствіе совершалось при болѣе или менѣ торжественной обстановкѣ. Послѣдняя, какъ уже замѣчено, не могла не производить впечатлѣнія на присутствующихъ при такомъ дѣйствіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, та же обстановка, публичность совершенія проклятія и, наконецъ, самый характеръ проклятій, взятыхъ изъ священной книги—Псалтири и притомъ составленныхъ въ энергичныхъ выраженіяхъ,—разъ преступникъ также былъ свидѣтелемъ его проклятія, или до него доходила опредѣленная о томъ вѣсть,—не могли не отражаться гнетущимъ образомъ къ его внутреннему душевному состоянію. Въ результатъ этого, вѣроятно, часто бывали случаи, когда подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти отлученный обнаруживалъ себя и заявлялъ о своемъ искреннемъ раскаяніи. На подобные случаи само собою от-

¹⁾ См. цит. нашъ очеркъ—„Испытаніе освященнымъ хлѣбомъ“ (Одесса, 1904), стр. 2—3.

крывалась необходимость въ актѣ снятія проклятія,—въ актѣ церковнаго разрѣшенія отъ отлученія.

Такое разрѣшеніе, дѣйствительно, было. Въ какомъ же видѣ оно совершалось? Въ первомъ изъ нашихъ памятниковъ мы находимъ на это общій, неопредѣленный отвѣтъ. Тамъ, на случай раскаянія согрѣшившаго и прощенія его отъ пострадавшаго, предписывается только—„тогда да призоветь вновь тѣхъ же семь священниковъ, да прочтуть они разрѣшительную молитву“. Какая именно эта молитва и должны ли быть при этомъ какія-либо обрядовыя дѣйствія—о томъ совершенно умалчивается.

Эта полная скудость сообщеній относительно обряда разрѣшенія въ первомъ памятникѣ, однако, въ достаточной мѣрѣ вознаграждается данными по затронутому вопросу въ рукописи 1542 г. Въ ней, тотчасъ по изложеніи рассмотрѣнныхъ нами послѣдованій проклятія, помѣщено цѣлое послѣдованіе для разрѣшенія, хотя и съ надписаніемъ—„Εὐχαὶ τῆς λύσεως“. Въ составъ его, кромѣ обычныхъ вступительныхъ молитвословій, входятъ собственно четыре молитвы и, сверхъ того, двѣ разрѣшительныя формулы (одна—пространная и другая—краткая). Въ ряду вступительныхъ молитвословій обращаетъ на себя вниманіе примѣненіе къ дѣлу тропаря безсребренникамъ. Повидимому, введеніе его здѣсь вызывалось представленіемъ отлученнаго, какъ чловѣка страждущаго, по крайней мѣрѣ, духовно. Но если предполагать, что рассмотрѣнныя выше „отлучательныя“ послѣдованія предназначались въ особенности для преступныхъ любителей чужой собственности, т. е. для людей въ извѣстномъ смыслѣ причастныхъ грѣху сребролюбія, то обращеніе здѣсь къ ходатайству безсребренниковъ нужно признать обоснованнымъ на усвоеніи имъ такой добродѣтели.

Что касается до самыхъ молитвъ, то по-одиночное рассмотрѣніе ихъ даетъ поводъ высказать слѣдующія замѣчанія.

Первая молитва („*Δέσποτα Παντοκράτωρ, ἡ καθαριστὴς, ἡ ἀκραιμύτης ἀφθαρτός*“), несомненно, составлена специально для настоящего послѣдованія. Будучи, такимъ образомъ, въ извѣстной мѣрѣ оригинальнымъ произведеніемъ, она, тѣмъ не менѣе, по существу своего содержанія, есть компиляція—отчасти изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ выраженій, заимствованныхъ изъ исповѣдныхъ молитвъ, а главнымъ образомъ изъ 50-го псалма. Изъ послѣдняго сюда привнесены отдѣльныя выраженія изъ стиховъ—3, 4, 6 и 12—14. Въ общемъ, воздѣйствіе этого послѣдняго источника здѣсь настолько замѣтно, что настоящую молитву можно назвать молитвенною переработкою указываемаго теперь псалма. Переработка эта, или иначе—приспособленіе сдѣлано крайне небрежно или неумѣло, и притомъ настолько, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ дополнительныхъ вставокъ изъ первоисточника, текстъ настоящей молитвы лишень смысла¹⁾.

Вторая молитва—„*Κύρια... ὁ τῷ Πέτρῳ καὶ τῇ πόρῃ διὰ δακρύων ἀθῆσιν ἀμαρτιῶν δῶρησάμενος...*“—общеизвѣстная и древнѣйшая исповѣдная молитва. Она въ отдѣльности надписывалась—„*Εὐχὴ ἐπὶ ἐξομολογουμένων*“ и не утратила своего практическаго значенія и въ настоящее время. Внесена она сюда, можно сказать, безъ всякихъ измѣненій; однако, какъ показатель того, что она имѣетъ особое назначеніе, при введеніи ея въ настоящій чинъ, въ текстъ внесено здѣсь и специальное выраженіе—„*πρόσδεξαι τὴν ἐξομολόγησιν τοῦ δούλου σου διὰ τοῦ ἀφορισμοῦ τὴν λύσιν*“²⁾.

¹⁾ Терминъ—„*ἡ καθαριστὴς*“, при подобныхъ же условіяхъ, наблюдается и въ 3-ей молитвѣ послѣдняго изъ разсмотрѣнныхъ чинѣвъ проклятія; но онъ отсутствуетъ въ аналогичной молитвѣ перваго (по той же ркп.) послѣдованія. По руководству такимъ наблюденіемъ имѣется нѣкоторое основаніе заключать, что настоящее разрѣшительное послѣдованіе первоначально составлено было, какъ необходимое дополненіе собственно указываемаго послѣдованія въ третьей редакціи.

²⁾ См. наше изслѣд. „Тайная исповѣдь въ Восточной церкви“ т. II, Одесса, 1894, стр. 184—188.

Равнымъ образомъ, не представляетъ ничего оригинальнаго и третья молитва—„*Ὁ Θεὸς ὁ φοβερός καὶ δυνατός...*“. Это—также сравнительно древняя и распространенная по рукописямъ молитва, связанная съ совершеніемъ исповѣди и собственно съ разрѣшеніемъ по ней. При отнесеніи ея къ числу исповѣдныхъ, она надписывалась: „*Εὐχὴ ἐπὶ ἄλογως ὑπὸ τινὶ ἀφορισμένων ἢ λόγως ἑαυτοῦ δεσμοῦντων*“. Какъ показываетъ такое ея надписаніе, она несомненно имѣетъ отношеніе къ цѣли настоящаго послѣдованія. Молитва эта теперь уже не употребительна, хотя,—по крайней мѣрѣ въ богослужбной практикѣ Русской церкви,—она входила еще въ содержаніе старопечатныхъ богослужбныхъ книгъ. Допуская вообще различные изводы въ отношеніи своего текста, она и здѣсь также представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ особый изводъ, отличающійся отъ другихъ списковъ сравнительно бѣльшею краткостью¹⁾.

Наконецъ, и четвертая молитва—„*Ὁ Θεός... ὁ διὰ τοῦ προφήτου σου Νάθαν...*“—также общеизвѣстная древнѣйшая исповѣдная молитва съ особымъ (обычнымъ для нея) надписаніемъ—„*Εὐχὴ ἐπὶ μετανοούντων*“, приведенная здѣсь, притомъ, въ наиболѣе древней редакціи²⁾.

По указанныхъ теперь молитвахъ, предварительно произнесенію отмѣченныхъ выше разрѣшительныхъ формулъ, здѣсь предписывается тоекратное чтеніе 50-го псалма и при каждомъ его произнесеніи требуется, чтобы совершитель—священникъ, однажды ударялъ держимою имъ тростью. Какое именно значеніе усвоилось этому обрядовому дѣйствію, объяснить то затруднительно, разъ въ настоящемъ предписаніи не указывается ударяемый объектъ. Можно предполагать, однако, что въ текстѣ, вслѣдствіе его неисправности, здѣсь нѣкоторая недомолвка, и что подлежащимъ удару или, вѣрнѣе, прикосновенію тростью здѣсь предпо-

¹⁾ См. *ibid*, 210—213.

²⁾ См. *ibid*, 174—177.

лагается (а такое предположение болѣе чѣмъ вѣроятно) разрѣшаемый отъ клятвы. Тогда смыслъ настоящаго обряда, соединеннаго съ произнесениемъ общеизвѣстнаго покаяннаго псалма, довольно ясенъ: имъ дается понять о разрѣшаемомъ какъ столь искренно кающемся въ своемъ грѣховномъ дѣяніи, что онъ готовъ принять всякое наказаніе.—Обращая вниманіе на такой своеобразный обрядъ, мы не можемъ не отмѣтить, что примѣненіе удара тростью въ греческихъ литургическихъ уставахъ исключительнаго назначенія—фактъ не единичный. Намъ извѣстенъ и еще одинъ примѣръ его употребленія и,—нужно сказать,—употребленія при томъ же самомъ условіи, т. е. при троекратномъ произнесеніи 50-го псалма. Примѣръ этотъ—въ изданномъ нами уставѣ „разрѣшенія душевно больного“¹⁾. Судя же по примѣненію его въ уставѣ съ такимъ назначеніемъ, въ значительной мѣрѣ оправдывается данное нами выше объясненіе относительно молитвеннаго обращенія въ настоящемъ послѣдованіи къ безсребренникамъ-врачевателямъ. Вмѣстѣ же съ тѣмъ, въ виду неоднократнаго употребленія трактуемаго символическаго дѣйствія именно въ разрѣшительныхъ послѣдованіяхъ,—ему можно дать и другое объясненіе; это—какъ символическому указанію на пастырскую власть разрѣшать отъ грѣховъ искренно кающагося²⁾.

По обрядѣ слѣдуетъ довольно пространное разрѣшеніе, изложенное собственно въ молитвенной формулѣ.—Молитвенныя выраженія и на этотъ разъ заимствованы или точнѣе составлены подъ воздѣйствіемъ исповѣдныхъ же молитвъ. Существо разрѣшенія здѣсь обнимается словами: „Богъ самъ помилуетъ и проститъ тебѣ чадо, въ словѣ, которымъ ты связалъ себя, а также, если я или другой кто [тебя связалъ, и да будешь прощенъ въ нынѣшнемъ] и въ будущемъ [вѣкѣ] отъ Отца и Сына и Святаго Духа, не подлежа оправданію въ день тотъ страшный; сего ради смотри, чадо,

¹⁾ „Разрѣшеніе душевно-больного“, Одесса, 1903, стр. 17—18.

²⁾ См. *ibid*, стр. 11.

что ты уже здоровъ сталъ, и еще не грѣши, да не будетъ тебѣ что худшее“. Очевидно, къ настоящей разрѣшительной формулѣ въ извѣстной мѣрѣ примѣнено одно изъ прощительныхъ изреченій Спасителя¹⁾.

По такомъ разрѣшеніи, какъ отвѣтъ на особое обращеніе согрѣшившаго о прощеніи его, слѣдуетъ еще другая краткая разрѣшительная же формула—„Богъ проститъ тебѣ, чадо, въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ и Христосъ связавшій тебя устами іерея, самъ да даруетъ [тебѣ] разрѣшеніе“.—Эту краткую и обычную по содержанию и изложению формулу требуется произносить трижды“.

Таковъ обрядъ разрѣшенія. Какъ очевидно, особенно оригинальнаго онъ ничего не представляетъ. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, какъ о томъ особенно свидѣлствуетъ текстъ первой молитвы, это послѣдованіе составлено специально для разрѣшенія при занимающемъ насъ случаѣ. Въ виду разнообразія выше рассмотрѣнныхъ „отлучательныхъ“ послѣдованій, очень можетъ быть, что и это послѣдованіе также измѣнялось въ своемъ составѣ и объемѣ. При всемъ томъ, сообразно съ характеромъ господствующаго здѣсь молитвеннаго элемента, едва ли можно сомнѣваться, что въ его содержаніе всегда входили общеизвѣстныя покаянныя и разрѣшительныя молитвы.

V.

Едва ли нужно упоминать о томъ, что при специальныхъ изысканіяхъ найдутся и другіе памятники занимающаго насъ церковнаго проклятія. Думаемъ, однако, что и сообщаемые теперь матеріалы не лишаютъ возможности сдѣлать, болѣе или менѣе вѣроятныя, общіе выводы касательно—содержанія, исторической судьбы и примѣненія относящагося сюда послѣдованія.

Въ отношеніи содержанія, какъ уже замѣчено, основную особенность трактуемаго послѣдованія составляетъ при-

¹⁾ Ев. Іоанна, V, 14.

мѣненіе для того почти исключительно псалмовъ Давида. Если и допускался порою молитвенный элементъ, то не въ смыслѣ самостоятельнаго, а скорѣе въ значеніи аксесуарной принадлежности,—только для соблюденія установившихся обычаемъ приѣмовъ при составленіи литургическихъ текстовъ. Повидимому, изъ такого правила здѣсь составляетъ исключеніе только формула самого проклятiя—„*Κατάρα*“. Но, во-первыхъ, редакціи ея порою придавалось настолько маловажное значеніе, что самый текстъ формулы даже не излагался, а во-вторыхъ,—когда этотъ текстъ приводился, то въ такихъ случаяхъ онъ нерѣдко сливался, неразрывно связываясь съ извлеченіями изъ псалмовъ.

Конечно, и все православное богослуженіе, особенно общественное, можно сказать, растворено псалмами. Конечно, далѣе, въ псалмахъ удивительно обильный матеріалъ для формулъ проклятiй.—Этимъ ли только объясняется всепроникающее примѣненіе здѣсь псалмовъ Давида? Несомнѣнно—и первое, и въ особенности второе—не могли въ настоящемъ случаѣ не оказать, и въ значительной степени, положительнаго воздѣйствiя. Однако это воздѣйствiе скорѣе можно понимать не болѣе, какъ косвеннымъ; существенный же мотивъ такого примѣненія лежалъ въ чемъ-то другомъ. Что это дѣйствительно такъ, то подтвердить не составляетъ особенной трудности. Въ книгѣ Свящ. Писанiя, хотя бы и Ветхаго Завѣта, Псалтирь—не единственное хранилище формулъ для всяческихъ проклятiй. Тамъ есть и другое такое хранилище. Это—книга Второзаконiя, въ которой 28-я глава почти сплошь наполнена проклятiями (съ 15-го стиха),—проклятiями, кажется болѣе тяжеловѣсными, чѣмъ это есть въ псалтири. Быть не можетъ, чтобы въ формулахъ нашего послѣдованiя не воспользовались и этимъ богатымъ матеріаломъ, если бы составители ихъ пользовались псалтирью наряду съ другими источниками. А между тѣмъ, буквально ни одна изъ формулъ и ни малѣйшимъ заимствованіемъ не заявляетъ себя соприкосновенною съ такимъ источникомъ. Очевидно, по этому самому, псалтири въ разсматри-

ваемомъ случаѣ придавалось значеніе какъ исключительному источнику, потому именно, что это „Псалтирь“, а не другая какая-либо священная книга, и извлекаемымъ изъ нея проклятiямъ или текстамъ придавалось значеніе, какъ текстамъ именно изъ псалтири. Такъ, безъ какихъ либо другихъ аргументовъ, само-собою слѣдуетъ уже по тому одному, что наше послѣдованіе именовалось „псалмокатара“, т. е. проклятiе именно псалмами, а не чѣмъ-либо другимъ. Тѣмъ болѣе это становится очевиднымъ, если припомнимъ, что бывали формулы, которыя, входя въ наше послѣдованіе были наполнены извлеченіями изъ псалтири, даже и далекими отъ проклятiй, и слѣдовательно извлеченіями, которыми придавалось значеніе безусловно лишь потому, что они заимствованы только изъ псалтири.

Почему же собственно, по какимъ дѣйствительно мотивамъ отдавалось на этотъ разъ столь исключительное значеніе именно Псалтири? По нашему мнѣнію, объясненіе тому въ одномъ: въ томъ всеобщемъ почитаніи ея, какимъ она пользовалась въ христіанской средѣ въ прежнее время и какимъ пользуется и теперь у религіозныхъ людей. Псалтирь во дни оны, можно сказать, была настольною книгою въ каждой благочестивой семьѣ. Она какъ-бы считалась болѣе боговдохновенною книгою въ ряду ветхозавѣтныхъ книгъ. Ея содержаніе (сравнительно съ другими ветхозавѣтными книгами) было болѣе извѣстнымъ. Ея чтеніе, наконецъ, сопровождало переселеніе души христіанина въ загробный міръ. Неудивительно, что въ виду всего этого и проклятiямъ, нашедшимъ въ ней мѣсто въ особенности усвоили дѣйствующую силу. Припомнимъ при этомъ примѣненіе именно Псалтири въ обширныхъ и даже культурныхъ кругахъ для гаданiя въ трудныя минуты жизни¹⁾. Чего въ ней въ подобныхъ случаяхъ искали?—Благословенiя или неблагословенiя на задуманное предпріятіе. Если же въ ней

¹⁾ Ср. Сперанскій М., „Гаданiя по псалтири“. Спб., 1899, стр. 1—10.

искали благословенія, то отсюда былъ одинъ шагъ искать въ ней силы и для проклятія, и слѣдовательно—прилагать ее и въ занимающемъ насъ случаѣ.

Обращаясь къ методу пользованія псалмами для цѣлей послѣдованія, мы должны сказать, что онъ былъ двоякій: или примѣнялись псалмы въ цѣломъ ихъ текстѣ, или же пользовались только извлеченіями изъ псалмовъ. Повидимому, послѣдній методъ былъ предпочтительнѣе. Но зато нужно согласиться, что первый методъ находилъ для себя полное соотвѣтствіе съ методомъ примѣненія псалтири въ общеизвѣстныхъ церковныхъ службахъ. Въ послѣднихъ псалмы примѣняются обыкновенно въ цѣломъ видѣ. На этомъ основаніи мы и считаемъ позволительнымъ заключать, что первый методъ, какъ болѣе принятый вообще въ богослужебныхъ послѣдованіяхъ, болѣе ранній по примѣненію въ трактуемомъ нами послѣдованіи.

Съ другой стороны, второй методъ—пользованіе только отдѣльными извлеченіями изъ псалмовъ,—будучи болѣе частымъ, примѣнялся собственно въ двухъ видахъ. Одни составители формулъ извлекали возможно законченную совокупность изреченій или стиховъ, поскольку они отвѣчали идеѣ послѣдованія, и эту совокупность вкладывали въ молитвенную рамку. Другіе же брали также извлеченія, но не справляясь съ ихъ содержаніемъ, а руководясь только тѣмъ представленіемъ, что вносимыя ими въ формулу изреченія—суть принадлежность псалтири. Въ виду этого, въ послѣднемъ случаѣ составители настолько понимали свою работу механическою, что вносили извлеченія, слѣдуя исключительно порядку псалмовъ въ псалтири.

Примѣненіе указанныхъ теперь различныхъ методовъ само собою предполагаетъ различіе и въ воззрѣніяхъ составителей послѣдованія на псалтирь, какъ источникъ для формулъ проклятія.—При приложеніи перваго метода, очевидно, псалтири усвоилось въ равной мѣрѣ—какъ формальное, такъ и матеріальное значеніе, однако принимая во вниманіе—и вообще церковно-богослужебное примѣненіе псал-

тири, и характеръ этого ея примѣненія. Благодаря послѣднему здѣсь, пользовались только цѣлыми псалмами, а исходя изъ перваго, сюда вводили псалмы—какъ отвѣчающіе по своему содержанію, такъ и мало соприкасающіеся съ идеєю проклятія¹⁾.

При второмъ же методѣ, въ первомъ его видѣ, придерживаясь воззрѣнія на формальное значеніе псалтири, въ то же время руководствовались главнымъ образомъ мѣрою матеріальнаго отношенія ея къ цѣли послѣдованія. При такомъ воззрѣніи и старались примѣнить къ дѣлу въ соотвѣтствующихъ извлеченіяхъ возможно полный циклъ только такихъ псалмовъ, въ коихъ имѣется матеріаль для проклятій²⁾. Что же касается до того же метода во второмъ его видѣ, то здѣсь наоборотъ, совершенно игнорировали матеріальную сторону псалтири, а понимали ее, какъ имѣющую силу для цѣли проклятія, только по самому понятію ея Псалтирю, слѣдовательно, становились исключительно на формальную точку зрѣнія.

Одновременно съ псалмами,—въ цѣломъ-ли ихъ видѣ, или въ извлеченіяхъ,—обязательною принадлежностью нашего послѣдованія, во всѣхъ его редакціяхъ, было еще чтеніе, такъ называемаго здѣсь (хотя и не всегда), „тропаря Іуды“. Насколько ему придавали важное значеніе, можно судить уже по тому одному, что по первой и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе ранней редакціи онъ долженъ былъ произноситься обязательно каждымъ изъ семи участниковъ въ совершеніи обряда. Чѣмъ оправдывалось вообще примѣненіе этого „тропаря“, то, какъ уже замѣчено выше, понятно. Но почему собственно ему усвоилось столь важное значеніе и обязательное употребленіе?

¹⁾ Вотъ почему, напр., въ первой редакціи псалмы вносятся не болѣе трехъ, а сверхъ того, одинъ изъ нихъ вносится такой, который во всякомъ случаѣ не отвѣчаетъ идеѣ послѣдованія,—по крайней мѣрѣ настолько, насколько это можно сказать о другихъ не внесенныхъ сюда псалмахъ.

²⁾ Наиболѣе типичнымъ образцомъ такого отношенія является разсмотрѣнная нами первая формула второй редакціи.

Объяснять это можно различно. Если смотрѣть на занимающій насъ актъ, какъ предназначенный вообще для проклятiя преступника, тогда можно думать,—упоминанiемъ объ Иудѣ (для чего и предназначается указанный тропарь) хотѣли выразить идею, что злодѣянiе проклинаемаго столь же несомнѣстимо съ должнымъ быть отношенiемъ къ своему ближнему, какъ и преданiе Спасителя Иудею. Но если предполагать, что такое послѣдованiе примѣнялось собственно для проклятiя вора, тогда въ настоящемъ случаѣ руководились тою мыслью, что воръ такъ же, какъ и Иуда, совершаетъ преступленiе—„недугая страстию сребролюбiя“. И судя по тому, что упоминанiе объ Иудѣ очень часто фигурируетъ въ апокрифическихъ формулахъ (= заговорахъ, какъ это разъ наблюдается и въ нашемъ чинѣ), практиковавшихся съ цѣлью открыть вора,—послѣднее объясненiе имѣетъ для себя основанiе.—Но сверхъ того, думается, здѣсь обязательно принималось во вниманiе и еще одно соображенiе. Злодѣянiе Иуды—равнаго которому нѣтъ и не будетъ. Имя его, какъ непримѣрнаго злодѣя, извѣстно каждому отъ дѣтскихъ лѣтъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, каждому же извѣстенъ и мучительный и постыдный его конецъ. Въ дополненiе ко всему этому, загробная участь того же Иуды мыслится какъ исключительное по мучительности состоянiе. Все это само собою даетъ понять, что упоминанiемъ про Иуду предателя, при разсматриваемомъ проклятiи, имѣлось цѣлью въ особенности устрашить проклинаемаго и тѣмъ самымъ вызвать его сознание и раскаянiе.

Различiе отношенiя къ псалтири или точнѣе къ псалмамъ, кажется, можетъ служить нѣкоторымъ показателемъ того, каковъ былъ историческiй порядокъ появленiя различныхъ редакцiй нашего послѣдованiя. Первоначально, можно думать, появились редакцiи, аналогичныя съ первымъ изъ разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ. Равномѣрная дань составителя такихъ редакцiй какъ формальному значенiю псалтири, такъ и матеріальному ея отношенiю къ цѣли послѣдованiя, особенно же наблюденiе при этомъ общепри-

нятаго способа употребленiя псалмовъ въ богослуженiи (т. е. пользованiе псалмомъ въ цѣломъ объемѣ)—очень вѣско говорятъ въ пользу такого предположенiя.

Послѣ указываемыхъ редакцiй появились уже редакцiи того типа, гдѣ псалмы прилагаются только въ отвѣчающихъ по содержанию извлеченiяхъ изъ нихъ. Бѣольшая сложность редакцiй подобнаго типа, исключительная неустойчивость текста относящихся сюда формулъ и, наконецъ, отклоненiе отъ принятаго способа употребленiя псалмовъ при церковныхъ дѣйствiяхъ, кажется, съ достаточнымъ основанiемъ оправдываютъ и это наше предположенiе.

Что касается, наконецъ, редакцiй третьяго типа—съ извлеченiями изъ псалмовъ безотносительно къ тому, насколько они отвѣчаютъ идеѣ проклятiя,—то, несомнѣнно, такiя редакцiи были послѣднимъ моментомъ въ исторической переработкѣ нашего послѣдованiя. При такомъ приѣмѣ, какъ очевидно, послѣдованiе теряло ясный смыслъ въ своемъ содержанiи. Это же рѣшительно невозможно допускать въ послѣдованiяхъ—какъ первоначальнаго появленiя, такъ и ближайшихъ къ нимъ по времени происхожденiя.

Когда же, вообще, наше послѣдованiе вошло въ практику? Отвѣтить на такой вопросъ даже съ приблизительною точностью весьма затруднительно. Но во всякомъ случаѣ этотъ моментъ не можетъ быть отнесенъ къ позднему времени. Какъ мы видѣли, по даннымъ въ формулѣ, написанной—„*Κατὰ ρα*“, происхожденiе даже втораго типа нужно отнести ко времени около XII—XIII вв. Припомнимъ, однако, что около этого времени указываемый типъ практиковался уже не въ одной редакцiи. Это же даетъ нѣкоторое основанiе отнести его первоначальную практику ко времени еще болѣе раннему. Предполагая же, что переходъ отъ практики перваго типа къ практикѣ втораго типа совершился не разомъ,—мы въ концѣ концовъ съ большою вѣроятностью можемъ остановиться на томъ предположенiи, что занимающее насъ проклятiе, по крайней мѣрѣ въ основной его редакцiи, возникло никакъ не позже XI столѣтiя. Но

при этомъ едва ли будетъ безосновательнымъ добавить, что приложение для цѣлей проклятія вообще Псалтири кроется еще въ сѣдой древности. Такое предположеніе невольно вызывается представленіемъ объ исконномъ почитаніи Псалтири и изначала разностороннимъ примѣненіемъ псалмовъ въ богослужебной сферѣ.

Получивъ начало, несомнѣнно, изъ давнихъ дней, въ какой же мѣрѣ практиковалось трактуемое теперь проклятіе? Вообще проклятіе или отлученіе, по сообщеніямъ историковъ Греческой церкви, примѣнялось въ ней настолько часто, что повидимому оно должно бы было утратить свое моральное значеніе¹⁾. Въ всякаго сомнѣнія, что это въ значительной мѣрѣ должно относиться и къ тому виду проклятія, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, т. е. къ „псалмокатарѣ“. Такъ слѣдуетъ косвеннымъ образомъ и по даннымъ предполагаемыхъ теперь историковъ, разъ по сообщенію одного изъ нихъ при обрядѣ проклятія примѣнялось чтеніе CVIII-го псалма²⁾. Затѣмъ, отдаленное указаніе на то же самое можно усматривать въ томъ, что въ греческихъ разрѣшительныхъ молитвахъ, правда имѣвшихъ специальное назначеніе, встрѣчается порою нарочитое упоминаніе и о разрѣшеніи „псалмокатары“³⁾. Болѣе же прямымъ подтвержденіемъ тому служить извѣстное намъ теперь, можно сказать—обильное, число редакцій проклятія псалмами.—Изъ предыдущаго мы видимъ не менѣе трехъ основныхъ типовъ такихъ редакцій,—типовъ, притомъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Затѣмъ, по нашимъ же даннымъ, по крайней мѣрѣ, въ изложеніи

¹⁾ Ricaut. Histoire de l'Eglise Grecque... (Trad. d'anglais) Amsterdam, 1711, pag. 273—274. Ср. А. П. Лебедевъ. „Религіозная жизнь и нравы греко-восточныхъ христіанъ“, „Богосл. Вѣстн.“, 1900, № 8, стр. 489—491.

²⁾ Heineccius (Jo. Mich.), Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche. Leipzig, 1711, Theil. III, S. 418, ср. ibid. стр. 489—490.

³⁾ См. нашъ очеркъ—„Разрѣшеніе душевно-больного“, Одесса, 1903, стр. 25—26.

по второму типу, основная редакція весьма разнообразилась; довольно указать, что только по сообщаемымъ теперь памятникамъ наблюдается три ея извода, сильно варьирующихъ другъ друга. Всего этого явнаго разнообразія никогда не могло бы быть, если бы не было широкой практики трактуемаго проклятія.

Различіе редакцій нашего послѣдованія, несомнѣнно, сопровождалось нѣкоторымъ разнообразіемъ побочныхъ условій при примѣненіи тѣхъ же редакцій на практикѣ. Въ частности, по редакціи перваго типа проклятіе, какъ мы знаемъ, составляло отдѣльное дѣйствіе, совершавшееся обязательно въ храмѣ и не менѣе какъ семью священниками. Это совершеніе, такимъ образомъ, представляло полный торжественности публичный актъ. Такимъ же публичнымъ фактомъ оно должно было быть и при совершеніи его по второй редакціи. Однако, здѣсь центръ тяжести въ отношеніи дѣйственности акта въ нѣкоторой долѣ переносился уже и на суточное общественное богослуженіе. Поэтому, какъ мы видѣли, послѣднее въ извѣстной мѣрѣ приспособлялось для цѣли отлученія, а самое проклятіе включалось въ содержаніе общественнаго богослуженія,—понималось, какъ временный составной его элементъ. При такой особенноти обрядъ проклятія въ настоящемъ случаѣ уже не связывался съ наличностью семи совершителей. Разъ общественное богослуженіе совершается однимъ священникомъ, значитъ и для совершенія проклятія считалась достаточною наличность одного же совершителя—священника. Признавая, однако, седмичное число совершителей вообще имѣющимъ важное значеніе, въ данномъ случаѣ, нашли нѣкоторый способъ совмѣстить подобное требованіе съ возможностью довольствоваться и однимъ совершителемъ. Съ этою цѣлью, ограничиваясь однимъ совершителемъ, здѣсь и требовали, чтобы съ его стороны имѣло мѣсто чтеніе формулъ въ числѣ семи. Для достиженія послѣдняго, при недостаткѣ цѣльныхъ формулъ, имѣвшіяся изъ нихъ въ наличности дѣлились на соответствующее число частей. Вообще же говоря, на этотъ разъ

мирились съ однимъ совершителемъ при тѣхъ же условіяхъ, какъ это есть теперь при совершеніи таинства Елеосвященія однимъ священникомъ. Что касается редакціи третьяго типа, то здѣсь наличность одного совершителя считалась уже нормальною, безъ особаго предположенія о надобности семи совершителей. По крайней мѣрѣ, скудное число формулъ въ этой редакціи, безъ всякаго дѣленія ихъ на части до седмичнаго числа, даетъ основаніе остаться только при такомъ заключеніи.

Несомнѣнно весьма часто практикуясь, наше послѣдованіе, однако, не нашло себѣ мѣста въ официальныхъ богослужебныхъ книгахъ. Конечно, это можно объяснять особенностью повода, которымъ могло вызваться его примѣненіе. Но кажется, болѣе существенное воздѣйствіе здѣсь оказало назначеніе этого послѣдованія,—назначеніе—не для призванія помощи и благословенія Божія, а для воздаянія свыше преступнику и для отверженія его отъ лица Божія.—Такая цѣль, можно сказать, противоположна обычному назначенію богослужебныхъ актовъ. Быть можетъ, не осталось здѣсь безъ слѣда и окончательное сформированіе нашего послѣдованія въ то время, когда нормальное содержаніе богослужебныхъ книгъ уже опредѣлилось.

Не будучи достояніемъ обыкновенныхъ богослужебныхъ книгъ,—не было ли наше послѣдованіе—актомъ, такъ сказать, апокрифическаго свойства?—Въ отвѣтъ на это надо сказать отрицательно. Настоящее послѣдованіе предписывается совершать въ храмѣ и открыто; совершителемъ его предполагается обязательно священникъ; самое совершеніе его—или нераздѣльно соединялось, или даже тѣсно переплеталось съ совершеніемъ общественнаго богослуженія. Всѣ эти частности сами собою говорятъ, что мы имѣемъ теперь дѣло не съ апокрифическимъ обрядомъ. Тоже самое слѣдуетъ, когда мы представимъ, что матеріалъ для нашего послѣдованія взятъ изъ авторизованныхъ Церковью источниковъ. Особенно же противъ апокрифическаго характера трактуемаго проклятія говоритъ тотъ фактъ, что на случай

сознанія и раскаянія преступника совершалось разрѣшеніе отъ проклятія, которое было наполнено молитвословіями общеизвѣстными и общепринятыми для подобной цѣли. Правда, въ обрядовой сторонѣ здѣсь порою наблюдаются необычныя детали—смоляныя свѣчи, укусъ и известь. Но не надо забывать, что необычно было и назначеніе послѣдованія.

При всемъ сказанномъ сейчасъ, однако нужно согласиться, что послѣ того, какъ для совершенія проклятія сталъ мыслиться довлѣющимъ и одинъ священнослужитель, къ содержанію послѣдованія мало по малу сталъ примѣшиваться и сомнительный элементъ. Отсюда, напр., эти своеобразныя особенности при облаченіи по уставу второй редакціи и требованіе въ ней же нѣкоей сокровенности въ совершеніи главнаго обрядоваго и акта. Отсюда, далѣе введеніе формулъ, близкихъ къ типу формулъ заговорныхъ, какъ это есть въ той же редакціи. Особенно же такая черта оказалась въ третьей (послѣдней) редакціи, гдѣ въ содержаніе включенъ даже завѣдомо заговоръ.

Такому постепенному искаженію чисто-церковнаго содержанія нашего послѣдованія, нужно думать, сопутствовала и перемѣна въ возрѣвнн на мѣсто его совершенія.—Если по уставу первой редакціи и въ особенности—по конструкціи всего дѣйствія согласно предписаніямъ второй редакціи—послѣдованіе обязательно должно было совершаться въ храмѣ, то сказать то же самое въ примѣненіи къ третьей редакціи нельзя. По ней послѣдованіе скорѣе всего предназначается для совершенія собственно домашнимъ образомъ, въ частномъ домѣ пострадавшаго. О томъ говоритъ отсутствіе въ послѣдованіи по данной редакціи какой бы то ни было обрядности, которая невольнo приурочивала бы совершеніе акта именно къ храму. Равнымъ образомъ, тому же отвѣчаютъ крайняя краткость и простота конструкціи всего послѣдованія по этой редакціи, благодаря чему при ея совершеніи невольнo устраняется всякая торжественность и публичность дѣйствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдованіе

по ней весьма приближается къ типу простого молитвословія, совершаемаго по домашней потребности вѣрующаго. Затѣмъ такъ слѣдуетъ и изъ болѣе или менѣе значительнаго отдаленія въ этомъ случаѣ послѣдованія отъ типа „псалмокатары“ въ тѣсномъ смыслѣ, и посему усвоенія ему характера собственно молитвеннаго послѣдованія,—состоящаго, притомъ, изъ молитвъ не употребительныхъ въ церкви. Наконецъ и въ особенности введеніе здѣсь въ содержаніе послѣдованія апокрифическаго текста можетъ стоять въ соотвѣтствіи только съ внѣ-храмовымъ его употребленіемъ,—употребленіемъ на дому и, такъ сказать, нѣкоторымъ сокровеннымъ способомъ.

По адресу собственно какихъ преступниковъ употреблялось разсматриваемое нами теперь проклятіе? Въ третьей редакціи отвѣтъ на это дается ясно—и самымъ ея надписаніемъ, и включеніемъ въ текстъ ея формулъ помянутаго заговора. По нимъ несомнѣнно, послѣдованіе должно было употребляться для проклятія воровъ.—И разъ въ этой редакціи, какъ сказано, оно скорѣе всего практиковалось на дому,—то слѣдовательно, относилось къ менѣе важнымъ случаямъ похищенія чужого имущества. Что касается до первой редакціи, то для проклятія кого именно оно предназначается, тамъ спеціально о томъ не говорится. Однако, принимая во вниманіе, что въ лицѣ Іуды предателя мыслится представитель пагубной страсти корыстолюбія, а чтенію „тропаря“ съ его именемъ здѣсь придается особенное значеніе, то правильно думать, что и въ такой редакціи послѣдованіе примѣнялось главнымъ образомъ по адресу лицъ, такъ или иначе запятнавшихъ себя всяческимъ,—явнымъ или косвеннымъ,—хищеніемъ или поврежденіемъ чужой собственности въ личныхъ цѣляхъ. Съ этимъ заключеніемъ, кажется, согласуется и имѣющаяся здѣсь замѣтка объ условіяхъ разрѣшенія лица, подпавшаго „псалмокатарѣ“.—Наконецъ, такое же назначеніе предполагается и второю редакціею, разъ въ ряду извлеченій въ ней изъ псалмовъ, въ одной формулѣ фигурируетъ между прочимъ и стихъ

(IX, 28), который примѣнялся при одномъ изъ способовъ суда Божьяго, приуроченнаго именно къ открытію вора. О томъ же свидѣтельствуетъ и одно изъ вставочныхъ отъ лица автора выраженій въ первой ея формулѣ, которое гласитъ: „Они (отлучаемые) не пощадили труды и приобрѣтенія другихъ, но и тайно и явно похищаютъ и берутъ вещи другихъ, кои тѣ приобрѣли съ такими усиліями и со многими трудами“.

Такимъ образомъ, говоря вообще, наше проклятіе имѣло въ виду, всяческихъ стяжателей чужой (частной) собственности. Вотъ почему во всѣхъ случаяхъ и предполагается, что инициатива его примѣненія въ каждомъ случаѣ должна исходить собственно отъ лица потерпѣвшаго.—Однако, рядомъ съ такимъ преимущественнымъ назначеніемъ, то же проклятіе несомнѣнно примѣнялось и къ преступникамъ другихъ видовъ. Такъ слѣдуетъ изъ общаго наименованія (во второй формулѣ послѣдней редакціи) преступника „еретикомъ“, безотносительно къ виду содѣяннаго имъ преступленія. Судя по такому наименованію, можно думать, что трактуемое проклятіе могло примѣняться одинаково—какъ въ случаяхъ церковныхъ преступленій, такъ и вообще по поводу преступныхъ дѣяній. Указанная выше весьма частая практика проклятія говоритъ о томъ же.

Остается еще одинъ вопросъ—что предполагалось реальнымъ послѣдствіемъ примѣненной къ кому-либо „псалмокатары“? Первая редакція по этому вопросу говоритъ такъ: „когда человекъ совершитъ грѣхъ и принялъ (сію) псалмокатару, то спустя нѣсколько дней—и чернѣетъ, и вспухнетъ, и разсѣдается, и подпадаетъ гнѣву Божію“. И только кто сознается въ преступномъ своемъ дѣяніи, добавляется здѣсь,—по его разрѣшеніи „вновь оздравѣетъ“. Такимъ образомъ, въ связи съ примѣненіемъ „псалмокатары“ существовала вѣра въ то, что подпавшій ей поражался неизлѣчимымъ недугомъ, результатомъ котораго должна быть ужасная смерть. Этого мало. Въ виду того, что одновре-

менно съ проклятіемъ возносилось моленіе—„да не разсыплется тѣло“ проклинаемого, конечнымъ результатомъ примѣненія „псалмокатары“ считалось еще и то, что тѣло умершаго подъ нею не передается тлѣнію, сохраняя безобразный видъ. Отсюда, наконецъ, подпавшій проклятію мыслился по смерти такъ называемымъ „вурколакомъ“,—существомъ, которое могло приносить всяческой вредъ и вѣрованіе въ дѣйствительное бытіе котораго чрезвычайно сильно было укоренено (да имѣеть мѣсто и теперь) у всѣхъ грековъ.

Въ заключеніе невольно возникаетъ вопросъ—насколько широко вообще въ христіанской средѣ Востока примѣнялось трактуемое проклятіе? Что оно весьма и весьма практиковалось въ Греціи—о томъ уже сказано. Но чтобы оно пользовалось практикою и въ другихъ церквахъ Востока, тому не имѣется достаточныхъ подтвержденій. Однако, что оно было вообще извѣстно и внѣ греческаго христіанскаго міра и что содержаніемъ его, по крайней мѣрѣ въ исключительныхъ случаяхъ, пользовались даже у насъ, то не подлежитъ сомнѣнію. Вотъ примѣръ тому. Въ 1689 г. извѣстный Сильвестръ Медвѣдевъ подалъ собору покаянную въ своихъ заблужденіяхъ. Соборъ въ предположеніи „невседушности“ его раскаянія въ такихъ словахъ изрѣкаетъ проклятіе по его адресу, если такое предположеніе оправдается:

„Да будутъ дни его мали и зли, и молитва его да будетъ въ грѣхъ, и діаволь да станетъ изъ десныхъ его и да изыдетъ осужденъ, въ родѣ единомъ да погибнетъ имя его, и да истребится отъ земли память его, и да истнится, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра: возлюби бо клятву, и приидетъ ему, и облечется въ ню, яко въ ризу, и увидеть, яко вода, въ утробу его и яко елей въ кѣсти его, да будетъ ему яко риза въ нюже облачится, яко поясъ имъ же выну опоясуется. Да приидетъ на него онѣхъ богоносныхъ отецъ, ихъ же писанія развращенно писаше и глаголаше, и всѣхъ бывшихъ по седми вселенскихъ и помѣстныхъ синодѣхъ богодухновенныхъ архіереевъ, и всѣхъ богоносныхъ отецъ,

и святѣйшихъ православнымъ патріарховъ греческихъ, благочестія Восточнаго хранителей и правителей, и мѣрности нашея, и всѣхъ здѣ написанныхъ имени и ненаписанныхъ и всего архіерейскаго и іерейскаго чина, проклятво и анаѳема, не точію сугубо и трегубо, но и многугубо. Да приидутъ на нь вся проклятва, ими же Моисей проклинаше Іудей, не послушающія заповѣдей Господнихъ (якоже повѣствуетъ въ книжѣ Второзаконія въ главѣ 28), и да поженутъ его и да потребятъ его и да постигнутъ его и да погубятъ его, и да будутъ ему послѣдняя горше первыхъ. Да будутъ ему Каиново трясеніе, Гіезіево прокаженіе, Іудино удавленіе...; Симона волхва погибель, да не лестію возмнитъ прельстити ны, яко онъ сребромъ возмнѣ стяжати даръ Божій...; Ананіи и Сапфиры внезапное издохновеніе...; Аріево тресновеніе... И да будетъ отлученъ и анаѳематствованъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, неразлучныя и единосущныя Троицы, нынѣ и по смерти не прощенъ; и тѣло его да не разсыплется, въ знаменіе вѣчнаго отъ Бога отлученія, и земля его да не приметъ, яко приѣмлетъ православныхъ христіанъ, въ покаяніи и исповѣданіи православномъ скончевающихся; и да будетъ часть его въ гееннѣ огненной, со Іудой христопредателемъ, и со Аріемъ лжекленшимся, и со всѣми лживыми, ихъ же часть въ озерѣ горящемъ огнемъ и жупеломъ, и идѣже звѣрь имѣяй хулная уста (иже есть антихристъ), мученъ будетъ день и ночь во вѣки вѣковъ“¹⁾.

Достаточно самага бѣлаго сравненія этого проклятія отъ лица собора 1689 г. съ формулами въ сообщаемыхъ нами памятникахъ, дабы видѣть, что первое составлено всецѣло подъ воздѣйствіемъ послѣднихъ. Отъ себя соборъ не упоминаетъ только о проклятіяхъ въ отмѣченной уже нами XXVIII-й главѣ книги Второзаконія. Любопытно, что при такомъ напоминаніи соборъ ограничивается только общою ссылкою на содержаніе указываемой главы, совершенно не

¹⁾ Акты историч., т. V, № 194, стр. 340—341.

пользуясь ея текстомъ. Въ этомъ можно усматривать косвенное подтвержденіе тому, что соборъ пользовался для своего постановленія текстомъ именно „псалмокатары“, въ которомъ не допускались какія-либо извлеченія изъ другихъ книгъ Священнаго Писанія.

ΤΕΚΣΤΥ.

I.

По Номоканону, ркп. 1528 г., библ. Barberini № 245, ф. 425 v.—428.

Περὶ ὅταν θέλουν νὰ ἀφορίσουν ἄνθρωπον με
ψαλμοκατάραν, πῶς γίνεται.

Ἐπαρε ἑπτὰ ἱερεῖς καὶ ἄς λειτουργήσουν· καὶ ὅταν σώσουν τὴν λειτουργίαν, καὶ εὐχον ἔξω φορεμένοι καὶ ἄς βάλουν ξύδι καλὸν σὲ μίαν μισσοῦρα μ' ἄσα· εἶτα νὰ ἔχῃς ἑπτὰ πισσοκέρια καὶ νὰ τὰ κολλήσῃς γύρωθεν τῆς μισσοῦρας, ἵπου εἶναι μετὰ τὸ ξύδι, καὶ νὰ βάλῃς καὶ μέσα εἰς τὴν μισσοῦρα κομμάτι ἀσβέστι ζωντανόν, ὅσον ἓνα αὐγὸν ἄσβεστον. Ἐπειτα ἄς πάρουν οἱ ἱερεῖς εἰς τὰς χεῖράς τους ἀπὸ ἓνα κερὶ ἀναμμένον, καὶ ἄς κάμουν «εὐλογητὸν», εἶτα ἄς διαβάξῃ πᾶσα ἱερεὺς τὸ μερτικόν του καθὼς εἶναι σημειωμένα ἐδῶ παρακάτω· καὶ ὡσὰν διαβάξῃ τὸ μερτικόν του, νὰ λέγῃ καὶ τοῦ Ἰούδα τὸ τροπάριον πᾶσα ἕνας· καὶ ὅταν διαβάσουν ὅλοι, τότε ἄς ἀφορίσουν καὶ ἄς κάμουν ἀπόλυτον, καὶ τὴν μισσοῦραν νὰ τὴν γυρίσῃτε μπρούμυτα καὶ νὰ τὴν ἀφήσῃτε ἐκεῖ μέσα εἰς τὴν ἐκκλησίαν. Καὶ ὅποιος ἄνθρωπος εἶναι πταίστης καὶ δεχθῇ τὴν ψαλμοκατάραν, δὲν περνοῦν ὀλίγαις ἡμέραις καὶ μαυρίζει καὶ προίσχεται καὶ σκάζει καὶ ὑπάγει εἰς τὴν ὀργὴν τοῦ Θεοῦ· εἰδὲ καὶ ἰμολογήσῃ τὸ πταισμόν του καὶ πληρώσει τὸν αὐτοῦ, καὶ νὰ συγχωρηθῇ μετ' αὐτόν, καὶ τότε νὰ κράξῃ πάλιν ἐκείνους τοὺς ἑπτὰ ἱερεῖς, νὰ τὸν διαβάσουν εὐχὴν συγχωρητικὴν, καὶ ὑγιαίνει πάλιν, καὶ δὲ τὸ τοῦτο εἶναι χρεῖα, νὰ φυλάγεται πᾶς ἄνθρωπος.

Ἰδοὺ καὶ τὸ τροπάριον τοῦ Ἰούδα.

Σήμερον ὁ Ἰούδας καταλιμπάνει τὸν διδάσκαλον καὶ παραλαμβάνει τὸν διάβολον· τυφλοῦται τῷ πάθει τῆς φιλαργυρίας, ἐκπίπτει τοῦ φωτός ὁ ἐσχοτισμένος· πῶς γὰρ ἠδύνατο βλέπειν ὁ

τὸν φωστῆρα πωλήσας τριάκοντα ἀργυρίων, ἀλλ' ἡμῖν ἀνέτειλεν ὁ παθῶν καὶ συμπαθῶν ἀνθρώποις, δόξα σοι.

Ἴδου καὶ τὰ ἐπὶ μερικὰ ἀπὸ τοὺς ψαλμοὺς τοῦ θεοῦ Δαβίδ. Ἐποῦ θέλει νὰ διαβάσῃ πᾶ; ἱερεὺς τὸ μερικόν του.

Τοῦ πρώτου ἱερέως.

Δίκασον, Κύριε, τοὺς ἀδικοῦντάς με, πολέμησον τοὺς πολεμοῦντάς με... Ἡ δὲ ψυχὴ μου ἀγαλλιάσεται ἐπὶ τῷ Κυρίῳ, τερφθήσεται ἐπὶ τῷ σωτηρίῳ αὐτοῦ. Πάντα τὰ ὀσᾶ μου ἐροῦσι Κύριε, τίς ὁμοίός σοι¹⁾;

Εἶτα λέγει τὸ τροπάριον τοῦ Ἰούδα.

Ἴδου πάλιν τοῦ δευτέρου ἱερέως.

Ῥυόμενος πτωχὸν ἐκ χειρὸς στερεωτέρων αὐτοῦ καὶ πτωχὸν καὶ πένητα ἀπὸ τῶν διαρπαζόντων αὐτόν. Ἀναστάντες μοι μάρτυρες ἄδικοι. Ἐξομολογήσομαι σοι ἐν ἐκκλησίᾳ πολλῇ, ἐν λαῷ βαρεὶ αἰνέσω σε, μὴ ἐπιχαρείησαν οἱ ἐχθραίνοντές μοι ἀδίκως²⁾).

Εἶτα λέγει τὸ τροπάριον τοῦ Ἰούδα.

Ἴδου πάλιν τοῦ τρίτου ἱερέως.

Οἱ μισοῦντές με δωρεάν, καὶ διανεύοντες ὀφθαλμοῖς· ὅτι ἐμοὶ μὲν εἰρηνικὰ ἐλάλουν, καὶ ἐπ' ὄργην δόλους διελογίζοντο.... Καὶ ἡ γλῶσσά μου μελετήσεται τὴν δικαιοσύνην σου δλην τὴν ἡμέραν, τὸν ἔπαινόν σου³⁾).

Εἶτα λέγει τὸ τροπάριον τοῦ Ἰούδα.

Ἴδου πάλιν τοῦ τετάρτου ἱερέως.

Ὁ Θεὸς τὴν αἴνεσίν μου μὴ παρασιωπήσῃς, ὅτι στόμα ἁμαρτωλοῦ καὶ στόμα δολίου ἐπ' ἐμὲ ἠνόχηθη, ἐλάλησαν, κατ'

¹⁾ Псаломъ XXXIV, ст. 1—10.

²⁾ Псал. XXXIV, ст. 10—19.

³⁾ Псал. XXXIV, ст. 19—28.

ἐμοῦ γλῶσσαν δολίαν..., Μὴ ὑπαρξάτω ἀντιλήπτωρ, μηδὲ γενηθήτω οἰκτίρμων τοῖς ὀφθαλμοῖς αὐτοῦ⁴⁾).

Εἶτα λέγει τὸ τροπάριον τοῦ Ἰούδα.

Ἴδου καὶ τοῦ πέμπτου ἱερέως.

Γενηθήτω τὰ τέκνα αὐτοῦ εἰς ἐξολόθρευσιν, ἐν γενεᾷ μὴ ἐξαλειφθεῖν τὸ ὄνομα αὐτοῦ· ἀναμνησθεῖν ἡ ἀνομία τῶν πατέρων αὐτοῦ ἔναντι Κυρίου... Ρῦσαί με, ὅτι πτωχὸς καὶ πένης εἰμι ἐγώ, καὶ ἡ καρδία μου τετάραχται ἐντός μου⁵⁾).

Εἶτα λέγει τὸ τροπάριον τοῦ Ἰούδα.

Ἴδου καὶ τοῦ ἕκτου ἱερέως.

Ὡσεὶ σκιά ἐν τῷ ἐκκλίνειν αὐτὴν ἀντανηρέθην, ἐξετινάχθην ὡσεὶ ἀκρίδες.... Ἐξομολογήσομαι τῷ Κυρίῳ σφόδρα ἐν τῷ στόματί μου καὶ ἐν μέσῳ πολλῶν αἰνέσω αὐτόν, ὅτι παρέστην ἐκ δεξιῶν πένητος τοῦ σώσαι ἐκ τῶν καταδικόντων τὴν ψυχὴν μου. Ἐξελοῦ με, Κύριε, ἐξ ἀνθρώπου πονηροῦ, ἀπὸ ἀνδρὸς ἀδίκου ρῦσαί με, αἵτινες ἐλογίσαντο ἀδικίαν ἐκ καρδίας δλην τὴν ἡμέραν, παρετάσσοντο πολέμους, ἠκόησαγ γλῶσσαν αὐτῶν ὡσεὶ ὄφεις, ἰὸς ἀσπίδων ὑπὸ τὰ χεῖλη αὐτῶν⁶⁾).

Εἶτα λέγει τὸ τροπάριον τοῦ Ἰούδα.

Ἴδου καὶ τοῦ ἑβδόμου ἱερέως.

Φύλαξόν με, Κύριε, ἐκ χειρὸς ἁμαρτωλοῦ, ἀπὸ ἀνθρώπων ἀδίκων ἐξελοῦ με..., πλὴν δίκαιοι ἐξομολογήσονται τῷ ὀνόματί σου καὶ κατοικήσουσιν εὐθὺς σὺν τῷ προσώπῳ σου⁷⁾).

Τέλος.

⁴⁾ Псал. CVIII, ст. 1—12.

⁵⁾ Псал. CVIII, ст. 13—22.

⁶⁾ Псал. CVIII, ст. 23—31; псал. CXXXIX, ст. 2—4.

⁷⁾ Псал. CXXXIX, ст. 5—14.

II.

По ркп. 1542 г., библ. Ottoboniana № 192, ф. 111—139b

ΑΚΟΛΟΥΘΙΑ ΕΙΣ ΑΦΟΡΙΣΜΟΝ¹⁾.

Ἀρχὴ τοῦ Ἑσπερινοῦ. Κροῶσον τὸ σήμαντρον γ', καὶ ποιεὶ Εὐλογητόν, ἀντὶ τοῦ «Φῶς Ἰλαρόν», ἐπὶ τὸ «Τρισάγιον», ὁμοίως καὶ εἰς τὸ «Καταξίωσον» καὶ εἰς τὸ «Νῦν ἀπολύεις», καὶ μὴ ποιήσει ἀπόλυσιν.

Εἰς τὸν ὄρθρον ἀντὶ τοῦ Ἀποδείκνου ἐπὶ ψαλμῶν [XXXIV]. «Δίκασον, Κύριε, τοὺς ἀδικουῦντάς με...» (φ. 111—112b).

Καὶ εἰς τὸ Μεσονυκτικὸν ἐπὶ ψαλμῶν ρη'. Ὁ Θεὸς τὴν αἰνεσίμ μου μὴ παρασιωπήσης ἀπ' ἐμοῦ, ὅτι στόμα ἀμαρτωλοῦ, καὶ στόμα... Ἀπόλυσιν οὐ μὴ ποιεῖς πρόποτε.

Εἰς τὸν ὄρθρον οὐ μὴ στιχολογούμεν ψαλτήριον, μῆτε καν'να τῆς Θεοτόκου, ψάλλεις καὶ λέγεις: «Δίκασον, Κύριε, τοὺς ἀδικουῦντάς» [καὶ] πάλιν: «Ὁ Θεὸς τὴν αἰνεσίμ μου μὴ παρασιωπήσης».

Εἰς τὴν λειτουργίαν εὐρὲ ἀσβέστιν ἄκρατον καὶ ἄξυδον ἄκρατον καὶ σκουτέλιον ὄφρον καὶ ἐπὶ κηρία πύσσιν, καὶ φόρεσον ἅπασαν τὴν ἱερατικὴν στολὴν ἀνίστορα καὶ εὐρὲ ν'ον στρουφικτὴν (?) ἀπὸ τὴν ουροκί (?) καὶ ἄλλα (φ. 113a)-ζον καὶ στηβάνισον τὸ δεξιὸν εἰς τὸ ἀριστερὸν καὶ ἀριστερὸν εἰς τὸν δεξιὸν πόδα· καὶ ποιήσον προσφοράς ε' χωρὶς προζύμιν, καὶ ἄς τὰ ζυμώση ἐμπρὸς ὀπίσω τὸ χ'ρι της· δὺς καὶ τὸ σήμαντρον μὲ τὴν ἀριστερὰν χεῖρά σου· καὶ εἰς τὴν μεγάλην εἴσοδον βάλε τὸ ξύδι εἰς τὸ σκουτέλιον, βάλε καὶ τὸν ἀσβέστιν, καὶ ἄψας τὰ κηρία βάλε εἰς τὸ σκουτέλιον, καὶ εἰπὲ: «Δίκασον, Κύριε, τοὺς ἀδικουῦντάς με». Καὶ τότε τῆς τούρας οβύσον τὰ κηρία μέσα εἰς τὸ σκουτέλιον. Καὶ ἔπειτα τσάμισον αὐτὸ, καὶ ταῦτα ποίησον καὶ οὐδέ τις σε ἐπιγνώσεται τὸ τί ποιεῖς (φ. 113b).

Εἰπὲ καὶ τὰς εὐχὰς ταύτας ἀνωθεν τοῦ σκουτελλοῦ ἀκόμεν καὶ ὅταν ἀναφέρῃς τοὺς κεκοιμημένους, ἐὰν θέλῃς ἵνα τελευτήσῃ, μνημόνευσον αὐτὸν μετὰ τοὺς κεκοιμημένους, εἰ δὲ ζῶντα, μετὰ τοὺς ζῶντας.

¹⁾ Въ настоящей редакціи буквами греческаго алфавита, поставленными въ () при надписаніи каждой молитвы, отмѣчаются отдѣльныя молитвы согласно воззрѣнію составителя послѣдованія; арабскими же цифрами въ [], при надписаніяхъ тѣхъ же молитвъ, ведется счетъ, которому по нашему представленію отвѣчаетъ здѣсь дѣйствительное число тѣхъ же отдѣльныхъ молитвъ.

[1]. Εὐχαὶ τοῦ ἀφορισμοῦ (α')^{*}.

Δέσποτα Παντεπόπτα, (μακαρία) ἡ Θεότης¹⁾, ὁ ἀκοίμητος ὀφθαλμός, ὁ γινώσκων πάντα τὰ κρυπτά καὶ τοὺς νεφροὺς ἐτάζων [καὶ] καρδίας²⁾ ἐρευνητῶν, ἐνώτισαι, (Κύριε), πάντα τὰ ῥήματα τοῦ στόματος ἡμῶν³⁾, ἅπερ ἐκ πόνου νῦν προσάγομέν σοι [καὶ πρόσχες τῇ φωνῇ τῆς δεήσεώς μου, ὅτι σὺ ὑπάρχεις, Βασιλεὺς καὶ Θεὸς ἡμῶν], καὶ [πρὸς σε] προσευχόμεθα καὶ σε ἐκ- (φ. 114a) -λιπαροῦμεν, ὡς ἀγαθὸς καὶ εὐήκοος καὶ ἐκδικητῆς⁴⁾ πάντων⁵⁾ τῶν ἀδικουμένων ἐκ τῶν ἀοράτων ἐχθρῶν, ὅτι πονηρευόμενος ἐν σοὶ οὐ παροικήσει, οὐδὲ παράνομος (εἰ) κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν σου, ἐμισήσας⁶⁾ (πάντας) τοὺς ἐργαζομένους (τὴν ἀνομίαν) [καὶ] ἀπολεῖς πάντας τοὺς λαλοῦντας τὸ ψεῦδος, ἄνδρα αἱμάτων καὶ δόλιον [βδελύσσεται Κύριος], ὅτι οὐκ ἔστιν ἐν τῷ στόματι αὐτῶν⁷⁾ [ἀλήθεια, ἡ καρδία γὰρ αὐτοῦ] (ματαλα)⁸⁾ [καὶ] ὁ λάρυγξ αὐτῶν, ὡς τάφος ἀνεφωγμένος (ἔστι), [καὶ] ἡ γλῶσσα αὐτοῦ⁹⁾ διαπαντὸς δολιότητος (συμπλέκει), ὅθεν καὶ ἵκετεύω σε, πολυέλεε, εἴνα ἐκπέσωσι(ν) οὗτοι ἐκ⁹⁾ τῶν διαβου-

^{*}) Въ текстѣ настоящей молитвы означаютъ: цитаты съ арабскими цифрами — варианты грамматическихъ формъ въ такомъ же текстѣ третьей молитвы въ послѣдующей (третьей) редакціи; скобки () — что отсутствуетъ въ текстѣ отмѣчаемой молитвы третьей редакціи; скобки [] чѣмъ, наоборотъ, распространены текстъ той же самой молитвы; цитаты съ буквами русскаго алфавита — псалмы и ихъ стихи, откуда заимствованъ текстъ предъ цитатою.

Варианты третьей молитвы изъ третьей редакціи:

- ¹⁾ Вм. «ἡ καθαρισ».
- ²⁾ Вм. «μου».
- ³⁾ Винитт. падд.
- ⁴⁾ Вм. «περὶ τῶν».
- ⁵⁾ Вм. «ὁ ἐπιμισῶν».
- ⁶⁾ Единств. число.
- ⁷⁾ Вм. «ἐν ματαίτητι».
- ⁸⁾ Множеств. число.
- ⁹⁾ Вм. «ἀπό».

Стихи псалмовъ:

a) VII, 10.

λιῶν αὐτῶν, καὶ ἔξωσον¹⁰⁾ (φ. 114b) αὐτοὺς κατὰ τὸ πλῆθος τῶν ἀσεβειῶν αὐτῶν», «καὶ εὐφρανθήσονται πάντες οἱ ἐλπίζοντες ἐπὶ σέ»⁶⁾, καὶ «μὴ σιγήσης, μὴδὲ καταπραΰνης ὁ Θεός» [ἡμῶν], ὅτι ἐργαζόμενοι τὴν ἀνομίαν «κατεπανουργέσαντο (ἐπὶ τὸν λαόν σου) καὶ ἐβουλεύσαντο αὐτῶ¹¹⁾ ἀπώλειαν», καὶ «ποίησον αὐτοὺς ὡς τῆ Μαδιάμ καὶ τῶ Σισείρα», καὶ «γενηθήσονται, ὡς ἡ κόπρος τῆς γῆς», καὶ «τοῦ αὐτοῦ, ὡς τροχόν» ἀεικνήτον καὶ σειραζόμενον, «ὡς καλάμην³⁾ κατὰ πρόσωπον ἀνέμου· ὡσεὶ πῦρ διαφλέξει αὐτοὺς [καὶ ὡσεὶ φλόξ κατακαύσει καὶ ἐκτεφρώσει αὐτοὺς καὶ καταδίωξον αὐτοὺς ἐν καταιγίδι σφοδρᾶ καὶ συντάραξον αὐτοὺς] ἐν τῇ ὀργῇ σου, καὶ «πλήρωσον αὐτοὺς¹²⁾ ἀτιμίαν (φ. 115a) (ὅπως αἰσχυνθήσονται»⁵⁾ [καὶ ὑποβρούχοι γένωνται καὶ] «ἐξέλθωσι(ν) καταδικασμένοι», καὶ «γενηθήτωσαν αἱ ἡμέραι αὐτῶν⁶⁾ ὀλίγαι, καὶ τὴν ἐπισκοπὴν [καὶ περιουσίαν] αὐτῶν λάβη ἕτερος»¹³⁾, καὶ «γενηθήτωσαν¹⁴⁾ [οἱ υἱοὶ αὐτοῦ ὄρφανοὶ καὶ ἡ γυνὴ αὐτοῦ χήρα, καὶ ἐκβληθήτωσαν] ἐκ τῶν οἰκοπέδων] αὐτῶν», «καὶ διασκορπίσονται ἀλλότριοι τοὺς πόνους αὐτῶν καὶ μὴ ὑπαρξάτω αὐτοῖς ἀντιλήπτωρ¹⁵⁾, καὶ «γενηθήτω τὰ τέκνα αὐτῶν¹⁶⁾ ἐξολοθρευμένα»⁴⁾, καὶ «ἐξαλειφθήτω τὸ ὄνομα αὐτῶν ἐν βίβλῳ ζώντων»⁴⁾, «καὶ ἐξολοθρευθῆ ἕκ γῆς τὸ μνημόνυσον αὐτῶν, [ἀνθ' ὧν] (φ. 115b) οὐκ ἐμνήσθησαν ποιῆσαι ἔλεος» καὶ οὐκ ἐφείσαντο τῶν ἄλλων τοὺς πόνους καὶ καμάτων, ἀλλὰ (καὶ) κρυφίως πῶς καὶ ληστρικῶς καθαρπάζουσι καὶ λαμβάνουσι τὰ τῶν ἐτέρων πράγματα, (ἅπερ ἐκτίσαντο) οὗτοι ἐκ μόχθου (καὶ πόνου) πολλοῦ, καὶ κατεδίωξαν οὕτως οἱ ἐργαζόμενοι [τὴν] ἀνομίαν,

¹⁰⁾ Bm. «ἔξωσον».

¹¹⁾ Bm. «ἐπὶ τὸ αὐτό».

¹²⁾ Bm. «τὰ πρόσωπα αὐτῶν».

¹³⁾ Bm. «λάβουσι ἕτεροι».

¹⁴⁾ Bm. «γενηθήσονται».

¹⁵⁾ Bm. «καὶ οὐ μὴ ὑπάρχουσιν ἔτι ἀντιλήπτορες».

¹⁶⁾ Bm. «καὶ γενηθήτωσαν αὐτὰ».

⁶⁾ V, 6—7; 10—12.

²⁾ LXXXII, 2; 4; 10—11; 14—17.

³⁾ CVIII, 7—8; 10—13.

⁴⁾ LXVIII, 29 (cp.).

«καὶ προσώχθησαν¹⁷⁾ ἄνθρωπον πένγτα καὶ πτωχόν τοῦ θανάτωσαι αὐτόν, καὶ ἠγάπησαν κατάραν».

Πάτερ Παντοκράτορ, «μακρὰν τὴν εὐλογίαν σου ἀπ' αὐτῶν καὶ ἔνδυσον αὐτοὺς τὴν κατάραν ὡς ἱμά- (φ. 116a) -τιον, ὅπως ἐξέλθῃ εἰς τὰ ἔγκατα αὐτῶν ὡς ὕδωρ καὶ ὡσεὶ ἔλαιον ἐν τοῖς ὀστέοις αὐτῶν», «καὶ ἔστωσαν ἐνδεδυμένοι τὴν ἐντροπὴν περιβεβλημένοι τὴν αἰσχύνην αὐτῶν»⁸⁾, καὶ «ἐξελοῦ ἡμᾶς ἐξ ἀνθρώπου πονηροῦ, καὶ ἐξ ἀνδρὸς ἀδίκου ῥῦσαι ἡμᾶς», καὶ «πεσοῦνται ἐπ' αὐτοὺς ἄνδρακες, ἐν πυρὶ καταβαλεῖς αὐτοὺς»⁹⁾, «ἄστραψον ἀστραπῇ καὶ σκορπιεῖς αὐτοὺς»¹⁰⁾, καὶ «δικασον, Κύριε, τοὺς πολεμοῦντας καὶ ἀδικοῦντας ἡμᾶς πολέμησον (αὐτοὺς), ὡς πολέμουστας ἡμᾶς», «ἐκχεσον τὴν ρομφαίαν (φ. 116b) σου καὶ σύντριψον αὐτοὺς ἐξ ἐναντίας αὐτῶν» «γενηθήτωσαν ὡσεὶ χνοῦς κατὰ πρόσωπον ἀνέμου, καὶ ἄγγελος Κυρίου ἐκθλίβων αὐτοὺς, γενηθήτω ἡ δόδος αὐτῶν σκότος καὶ ὀλισθημα, καὶ ἄγγελος Κυρίου ἐκδιώκων αὐτούς»· «ἐλθέτω αὐτῶν παγίς, ἣν οὐ γινώσκει, καὶ συλληφθήσονται καὶ πεσοῦνται ἐν τῇ παγίδι αὐτῶν ταύτη, καὶ ἡ θήρα, ἣν ἔκρυψαν, συλλαβέτω αὐτῶν»¹¹⁾, «ἐνδυσάσθωσαν αἰσχύνην καὶ ἐντροπὴν οἱ καταπανουργέονται κατὰ τῶν πλησίων αὐτῶν κακὰ»¹²⁾, καὶ οἱ πονηρευόμενοι (φ. 117a) τὴν ἀνομίαν αὐτοῦ λαβεῖν ἐτέρων περιουσίαν, καὶ «ὡσεὶ χόρτος ταχὺ ἀποξηρανθήσονται, καὶ ὡσεὶ χλόη ταχὺ ἀποπεσοῦνται»· «ἐξολοθρευθήσονται», «καὶ ἔτι ὀλίγον καὶ οὐ μὴ ὑπάρξῃ ὁ ἁμαρτωλὸς, καὶ ζητηθήσεται ὁ τύπος αὐτοῦ καὶ οὐ μὴ εὑρεθῆ», καὶ «ἡ ρομφαία, ἣν ἐπισπῶνται, οὕτως τοῦ Κυρίου σφάζει αὐτοὺς τοὺς ἀδίκους», «εἰσέλθῃ αὐτοὺς εἰς τὰ ἔγκατα αὐτῶν [καὶ] συντριφῶνται»¹³⁾, καὶ «ὡς ἐκλείπει καπνός, ἐκλείψουσι»¹⁴⁾ «καὶ παρέλ-

¹⁷⁾ Здѣсь оканчивается варьируемый текстъ.

⁸⁾ CVIII, 15—19; 29.

⁹⁾ CXXXIX, 1; 11.

¹⁰⁾ CXLIII, 6.

¹¹⁾ XXXIV, 1; 3; 5—6; 8.

¹²⁾ LXX, 13.

¹³⁾ XXXVI, 2; 9—11; 13—15

¹⁴⁾ LXVII, 3.

θωσιν, καὶ οὐ μὴ εὐρεθῆ ὁ τόπος αὐτῶν», καὶ «πάντες πηράνο-
(φ. 117b) -μοι ἐξολοθρευθήσονται»^{*)}) ἐπὶ τὸ αὐτὸ, «ἐὰν μὴ ἐπιστρα-
φῶσιν ἐν ἑαυτῶν· σπλιβῶσι τὴν ρομφαίαν αὐτοῦ Κύριος ὁ Θεός,
ἐντείνῃ τὸ τῆξον αὐτοῦ, καὶ εἰς αὐτοὺς ἐτοιμάσει τὸν θάνατον,
ὅτι ἰδοὺ ὠνεῖσάν ἀδικίαν καὶ ἔλαβον πόνον καὶ ἔτεκον ἀνομίαν
(φ. 118a) λάκκον, οὕτως ὠρυξαν καὶ ἀνέσκαψαν αὐτοὺς, καὶ ἐμπε-
σοῦνται εἰς βύθρον, ὃν εἰργάσαντο· ἐπιστρέφει ὁ πόνος αὐτῶν εἰς
κεφαλὴν αὐτῶν, καὶ ἐπὶ κορυφὴν αὐτῶν ἡ ἀδικία αὐτῶν κατα-
βήσεται»^{**)}), καὶ «ὁδὸς αὐτοῖς, Κύριε, κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν καὶ
κατὰ τὴν πονηρίαν τῶν ἐπιτηδευμάτων αὐτῶν, καὶ τὰ ἔργα τῶν
χειρῶν ὁδὸς αὐτοῖς»³⁾), ὡδὲ κακείσε κατὰ τὰς καρδίας αὐτῶν»^{ο)}), καὶ
τὰ ἐνθυμήματα αὐτῶν, καὶ «ἐν ἐλεγεμοῖς ὑπὲρ ἀνομίαν αὐτῶν
παῖδευσον αὐτοὺς, καὶ τῆξον ὡς ἀράχνην τὴν ψυχὴν αὐτῶν».
«Εἰσάκουσον τῆς πρὸς σου ἡμῶν, ἐνώτισαι καὶ τῶν δοκρῶν
ἡμῶν μὴ παρασιωπήσης»^{π)})· «καταισχυνθεῖσαν καὶ ἐντραπήσαν
ἅμα οἱ ζητοῦντες ἐπὶ ἄρπαγμα, κομισάσθωσαν παρά χρημα αἰσ-
χύνην (φ. 118b) αὐτῶν»^{ρ)}), καὶ γὰρ ἀνομίαν ἀδικίαν ὄλην τὴν ἡμέ-
ραν λογίζεται αὐτοὺς^{ο)}), «ὥσει ξυρὸν ἠκονημένον ἠγάπησαν κακίαν
ὑπὲρ ἀγαθωσύνην, καθήλωσον αὐτοὺς ἀπὸ τοῦ σκηνώματος αὐτῶν,
καὶ τὸ ρίζωμα σου αὐτῶν ἔκσπασον ἐκ γῆς ζώντων»^{τ)}), ὅπως
ὀφονται, «καὶ καταίσχυνον καὶ ἐξουδένωσον αὐτοὺς»^{υ)}), «ὅτι ἐν τῇ
καρδίᾳ αὐτῶν ἀνομίαν ἐργάζονται, ἐν τῇ ἀδικίᾳ αἱ χεῖρες αὐτῶν
συμπλέκουσιν, ὅτι ἐπλανήθησαν [καὶ] ἀπὸ γαστρὸς μητρὸς αὐτῶν
ἐλάλησαν ψεύδη. Ὁ Θεὸς σὺντριψον τοὺς ὀδόντας αὐτῶν ἐν τῷ
(φ. 119a) στόματι αὐτῶν, καὶ ἐξουδένωσον αὐτοὺς, ὡς ὕδωρ διαπο-
ρευόμενον, καὶ «ὥσει κηρὸς ταχεῖς ἀνταναιρεθήσονται, καὶ τῦρ ἐξ
οὐρανοῦ ἐπιπέσῃ ἐπ' αὐτοὺς καὶ καταράγεται αὐτοὺς, καὶ σκότος
καὶ γνόφος κατακαλύψει αὐτοὺς, καὶ οὐκ ἴδωσιν τὸν ἥλιον»^{ο)}), καὶ

*) XXXVI, 36; 38.

π) VII, 13—17.

ο) XXVII, 4; 3.

ρ) XXXVIII, 12—13.

σ) XXXIV, 4.

ο) Cp. CXXXIX, 2.

τ) LI, 4—7.

υ) Cp. LVIII, 9.

φ) LVII, 3—11.

ἡ γῆ καταπίη αὐτοὺς εἰς θνείδους καὶ χλευασμόν, καὶ «μὴ οὐκ-
τειρήσης πάντας τοὺς ἐργαζομένους τὴν ἀνομίαν, ὅπως ἐπιστρέ-
ψουσιν πρὸς ἐσπέραν καὶ λιμώξουσιν ὡς κύων, καὶ ἐκγελασθή-
σονται καὶ ἐμπαιχθῶσιν παρὰ πάντων· διασκόρπισον αὐτοὺς ἐν
τῇ δυνάμει σου, ὁ Θεὸς ἡμῶν, ἐν ὀργῇ (φ. 119b) συντελείας, καὶ
οὐ μὴ ὑπάρξωσιν ἡμεῖς δὲ ἄσωμεν τῇ δυνάμει σου καὶ ἀγαλ-
λώμεθα τὸ πρῶτ' τὸ ἔλεός σου», «ὅτι ἐγενήθης ἀντιλήπτωρ, καὶ
καταφυγὴ ἡμῶν ἐν ἡμέρᾳ θλίψεως ἡμῶν, ἐν σοὶ καὶ ψαλοῦμεν»^{*)})
τὰς δυναστείας σου, ὅτι σοὶ πρέπει αἶνος, καὶ σοὶ τὴν δόξαν
ἀναπέμπομεν τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ καὶ τῷ Ἁγίῳ Πνεύματι, νῦν
καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

[2]. Εὐχὴ ἑτέρα (β').

Ὁ Θεὸς ὁ θεμελιώσας τὸν παράδεισον ἐν Ἐδέμ καὶ «τὴν
θάλασσαν ὄριον θέμενος, ἵνα μὴ παρέλθωσιν τῷ προστάγματι
σου», ὁ τοὺς δαίμονας δῆσας καὶ τὸν ἄδην σκυλεύσας (φ. 120a) καὶ
τὸν διάβολον δῆσας, νὰ δεθῶν ὁμοίως καὶ οἱ πταιστῆται—εἴτε
ἄνθρωπος, εἴτε ζῶν. Ὁ Βασιλεὺς ὁ αἰώνιος τῆς πίστεως, ἡ
ἀρχὴ τῆς σοφίας, ὁ τοῦ ἀριθμοῦ τῶν ἀγγέλων βασιλεὺς θεμέ-
λιος [καὶ] ἰσχυρὸς, ἵνα δεξῆς σημεῖον, νὰ ἴδῃ πᾶς ἄνθρωπος καὶ
νὰ ἀναγγεῖλῃ τὰ ἔργα τοῦ Θεοῦ, ἰδὼν τὸν φονέα, μὴ οὐ φονευ-
θέντα, ἰδὼν τὸν υἱὸν αὐτοῦ ἀφανισθέντα, ὁμοίως ἰδὼν τὸ φόβη-
τρον ἠκονημένον, ὁμοίως ἰδὼν τὴν περιστερὰν καὶ,
ἰδὼν τὸν δράκοντα ἀποκτανθέν[τα], ὁμοίον καὶ εἰς τὸν πταιστήτην
καὶ παρρησίαν ἔχω ἐνώπιόν σου (φ. 120b), διὰ τοῦτο εὐχαριστῶ σοι,
Βασιλεῦ ἀθάνατε, ὁ Θεὸς ὁ παντοδύναμος, δέομαί σου τελείωσόν
μου τὴν παρακάλεσιν, ἵνα ἴδῃ πᾶς ἄνθρωπος καὶ ἀναγγεῖλῃ τὰ
ἔργα τοῦ Θεοῦ, ἀλλ' ἐκ θεμελίου παρὰ τὸν ἄδην.

Εὐχὴ ἑτέρα (γ').

«Κατάστησον ἐπ' αὐτὸν τὸ ἀμαρτυλόν, καὶ διάβολος στήτω
ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἐν τῷ κρίνεσθαι αὐτὸν· ἐξέλθῃ καταδεδικασ-

*) LVIII, 6—14; 17—18.

μένους γενέσθω εἰς ἀμαρτίαν γεννηθήτωσαν αἱ ἡμέραι αὐτοῦ ὀλίγαι, «καὶ διαρπασάτωσαν ἀλλότριοι τοὺς πόνους αὐτῶν»^{α)}, «ἐξαπόστειλον αὐτοὺς κυνόμεια», καὶ καταφάγεται αὐτοὺς, καὶ ἔδωκεν τῇ ἐρυσίβῃ τοὺς καρπούς αὐτῶν καὶ τοὺς πόνους αὐτῶν τῇ ἀκρίδι», «καὶ παρέδωκεν αἰχμαλωσίαν τὴν ἰσχὴν αὐτῶν εἰς χεῖρας ἐχθρῶν, καὶ συνέκλασεν ἐν ρομφαίᾳ τὸν λαὸν αὐτοῦ, ὁμοίως τοὺς νεανίσκους αὐτῶν, καὶ κατέφαγεν πῦρ»^{β)} (ὁ δείνας), ἀλλ' ἐκ θεμελίου.

Εὐχὴ ἑτέρα (δ').

«Κύριε ἐξεγερθεῖς, ὡς ὁ ὑπνῶν, Κύριε ὁ Θεὸς δυνατὸς κεκραিপληγῶς ἐξ οἴνου, καὶ ἐπέταξε τοὺς ἐχθροὺς αὐτῶν εἰς τὰ ὀπίσω, ὄνειδος αἰώνιον ἔδωκεν αὐτοῖς»^{γ)}: «σὺ ἐξήρανας, Κύριε, πηγὰς καὶ χειμάρρους· σὺ ἐξήρανας ποταμοὺς Ἡθαμ», «ὁμοίως ὅτι ἐπληρώθησαν οἱ ἐσκοτισμένοι (φ. 121b) οἴκων ἀνομιῶν»^{δ)}, «ἵνα ἀποστρέφονται τεταπεινωμένοι καὶ κατησχυμένοι»^{ε)}, καὶ ἡ μερὶς αὐτῶν μετὰ τοῦ Ἰούδα (?).

Εἶτα τὸ τροπᾶριον.

Σήμερον ὁ Ἰούδας καταλιμπάνει τὸν διδάσκαλον καὶ παραλαβάνει τὸν διάβολον· ὑφοῦται τῷ πάθει τῆς φιλαργυρίας, ἐκπίπτει τοῦ φωτός ὁ ἐσκοτισμένος· ὁμοιον ὁ δείνας, ἀλλ' ἐκ θεμελίων.

[3]. Εὐχὴ ἑτέρα (ε').

Κύριε Παντοκράτωρ, ὁ στήσας τὰ ὄρη σταθμῶ καὶ τὰς νάπας ζυγῶ, ὁ ἐπιτιμήσας τὸν ἄνεμον καὶ τὰ κύματα τῆς θαλάσσης, ὁ τοὺς ἀπειθήσαντας ἀγγέλους (φ. 122a) ἀνταποδιδούς καὶ αὐτὰ ἐνθηράματα (?) τῆς ἀβύσσου καὶ ἡμῶν τὰ χλευάσματα (?) ὑπομείναντα, νικήσαντα ὑπὸ ὁσμῆς δρακόντων, κολαζόμενοι τῷ προστάτῃ

α) CVIII, 6—8; 11.

β) LXXVII, 45—46; 61—63.

γ) Ibid. 65—66.

δ) LXXIII, 15; 20.

ε) Ibid., съ измѣненіемъ ст. 21.

τίς ἀντιτείνει, ἀνεκδιήγητε Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ ἐσχάτοις καιροῖς ἐξαποστείλας τὸν μονογενῆ σου Υἱόν, Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν καὶ λαὸς (?) σὺν (?) παρθένου, ὑπομείναντα, νικήσαντα, ὡς ἠθέλησας, οὐ γένος ἀνθρώπιον οὐδὲν δύναται περιεργάζεσθαι ποτὲ τοῦ μονογενοῦς σου Υἱοῦ τὴν γέννησιν, ὁ ἐπὶ τοῖς κύμασι τῆς θαλάσσης καταπατήσας· πᾶν γὰρ ἐπήκουσέ σου (φ. 122b) ἐν τρόμφῳ, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, καὶ ἐπάκουσόν μου τοῦ ἀμαρτωλοῦ ἱερέως, καὶ «ἀπόδος ἀνταπόδομα αὐτῶν»¹⁾ εἰς σκιὰν δόλου· «σκοτισθήτωσαν οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν τοῦ μὴ βλέπειν· ἔκχεον τὴν ὀργὴν σου καὶ ὁ θυμὸς τῆς ὀργῆς σου καταλάβῃ αὐτοὺς»²⁾: διὰ τὸ ὄνομά σου τὸ ἅγιον, Κύριε ὁ Θεὸς, ὁ πρῶτον οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν σύνεσαι αὐτῶ ἐπὶ τῶν ὑδάτων ἄνω κατάπαυσιν, ὅταν ἀναστήσει ἐκβαρούσας οὐρανὸν ὑμβροτόκους ἐντέλλων γεμίζειν ὑετὸν, ὥστε βρέχειν ἐπὶ δικαίους καὶ ἀδίκους, νὰ δώσῃς (φ. 123a) τὸ ἀνταπόδομα αὐτῶν, «ὡς τὸν Ὀρήβ, καὶ Ζήβ, καὶ Ζέβ, καὶ Σαλμανᾶ, καὶ πάντας τοὺς ἄρχοντας αὐτῶν»³⁾, χανατάει (?) ὡς ἐκατέπιεν ἡ συναγωγὴ (sic) Ἀβειρώμ⁴⁾ οὕτως καὶ τοὺς πταίστας (ὁ δείνας).

Εὐχὴ ἑτέρα [τῆς] κατάρας (ς').

Ἀπόδος ἀνταπόδομα αὐτῶν, Κύριε Ἰησοῦ, καὶ τὴν τρομάραν δὸς αὐτῶν, ἵνα ἴδῃ πᾶς ἄνθρωπος καὶ νὰ ἀναγγελῇ τὰ ἔργα τοῦ Θεοῦ. Ναί, Κύριε ὁ Θεὸς, ὁ Παντοκράτωρ τῆς αἰωνίου βασιλείας, συνέχων τὰ πάντα ἐν τῇ δικαιοκρασίᾳ σου ὀργῆς, ὡς ἀποστείλας πῦρ ἐν τῇ πενταπόλει Σοδόμων, ἕως τῆς (φ. 123b) ἡμέρας ταύτης μένει ἑαυτοὺς ἡ ὀργή σου (ὁ δείνας) διαποστείλας πῦρ διὰ τοῦ προφήτου σου Ἡλιοῦ καὶ τοὺς δύο πεντάρχας, ἀπόδος τὸ ἀνταπόδομα αὐτῶν.

[4]. Εὐχὴ ἑτέρα τῆς ἀφορίσεως (ς').

Δέσποτα παντεπόπτα, μακαρία ἡ Θεότης, ὁ ἀκοίμητος ὀφθαλ-

1) XXVII, 4.

2) LXVIII, 24—25.

3) LXXXII, 12.

4) CV, 17.

μὲς, ὁ γινώσκων πάντα τὰ κρυπτά καὶ τοὺς νεφροὺς ἐτάζων, καρδίας ἐρευνῶν^{α)}), ἐνώτισαι, Κύριε, πάντα τὰ ῥήματα τοῦ στόματός μου, ἅπερ ἐκ πόνου προσάγομέν σοι, πρόσχες τὴν ψωνὴν τῆς δεήσεώς μου, ὅτι σὺ ὑπάρχεις βασιλεὺς καὶ Θεὸς ἡμῶν καὶ πρὸς σέ εὐχόμεθα καὶ σέ παρακαλοῦμεν, ὅτι ἀγαθὸς (φ. 124a) καὶ εὐήκοος καὶ ἐκδικητὴς πάντων τῶν ἀδικουμένων ἐκ τῶν δρατῶν καὶ ἀοράτων ἐχθρῶν, ὅτι πόνος βεβαιωμένος σου παρῆδε «παράνομος εἶ κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν», τὴν ἀνομίαν ἐπιμισήσεται πάντας τοὺς ἐργαζομένους τὴν ἀνομίαν, καὶ «ἀπολεῖς πάντας σοι εἰπόντας τὸ ψεῦδος καὶ βεβαιώσεται ἄνδρα αἱμάτων καὶ δόλιον»^{β)}), «ὅτι οὐκ ἔχεις ἐν τῷ στόματι αὐτῶν ἀλήθειαν, ἡ καρδία αὐτῶν ματαία καὶ ὁ λάρυγξ αὐτῶν διὰ παντὸς δολιότητος συμπλέκει, ὅθεν ἡ καρδία καὶ ἡ βωμοῦς (sic) ἐν πόλει, ἐλθεινὰ ἐκπέσωσιν οὗτοι (φ. 124b) ἀπὸ τῶν διαβουλιῶν αὐτῶν, καὶ εὐφρανθήσονται πάντες οἱ ἐλπίζοντες ἐπὶ σέ.»^{γ)}), καὶ «μὴ σιγήσης, μηδὲ καταπραῦνης ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὅτι οἱ ἐργαζόμενοι τὴν ἀνομίαν κατεπανουργέυσαντο γνώμην κακὴν ἐπὶ τῶν λαῶν αὐτῶν ἀπώλειαν»^{δ)}), καὶ «ποίησον αὐτοῖς, ὡς τῇ Μαδιάμ καὶ τῷ Σισάρα»^{ε)}).

Εὐχὴ ἑτέρα (η').

Καὶ «γεννηθήτωσαν ὡσεὶ κόπρος τῆς γῆς, καὶ θοῦ αὐτοὺς ὡς τροχόν, ὡς καλάμην τήξει αὐτοὺς, καὶ φλόγα κατακαύσει αὐτοὺς καὶ κατατεφρώσει αὐτοὺς»^{ε)} καὶ ἐπισκοπεῖ περιουσία αὐτοὺς, καὶ «ἐὰν ἐπιστραφῶσιν ἐν ἀνάγκαις αὐτῶν (φ. 125a), στυλβώσει τὴν ρομφαίαν αὐτοῦ Κύριος ὁ Θεὸς καὶ ἐντενεῖ τὸ τόξον αὐτοῦ»^{στ)} τὸν Μωυσῆν ἐν Σινᾷ καὶ νεφέλης (sic) μὲ τὴν ἐπτάλυχον ἀλήθειαν λέγω, ὅτι σὺ γινώσκω ἂν χρεωστῶ τὸν κλέπτην· οὐ ψεύδομαι,

α) VII, 10.

β) V, 5—7.

γ) V, 10—11 (сб нзм.).

δ) LXXXII, 2—4 (сб нзм.).

ε) Ibid. 10.

στ) Ibid. 14—15.

ζ) VII, 13.

ἀλήθειαν λέγω, κριθήσομαι ὡς τοὺς προσκυριτάς (?) τοὺς δύο λύπται (?) ἐν φευγῶρ, καὶ καταπιέτω αὐτοὺς, ὡς τὸν Δαθὰν καὶ ὡς τὸν Ἀβειρῶν, καὶ ἐπὶ λέπραν τοῦ Γιεζὶ καὶ τοῦ Κάιν τὴν τρομάραν.

Ἔχομεν [αὐ]τοὺς ἀφωρισμένους (φ. 125b) καὶ ἀποδοδιωγμένους καὶ ἐν τῷ νῦν αἰῶνι καὶ ἐν τῷ μέλλοντι· ἡ μερίς αὐτῶν [ἔστω] μετὰ τοῦ Ἰούδα τοῦ προδότου, καὶ ὑπὸ τὸ πειρᾶσαι προδοσίᾳ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ· ἄρον, ἄρον, σταύρωσον αὐτόν· καὶ ἵνα ἐπισπᾶσθαι τὰς ἀράς τῶν ἁγίων τριακισίων δέκα καὶ ὀκτῶ θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ, καὶ ἀποδιωχθήτωσαν παρὰ πάντας τοὺς χριστιανούς, ὡς ἐδιώχθη ὁ παράφρων Ἄρειος ἀπὸ τῆς ἀγίας καὶ ἀποστολικῆς Ἐκκλησίας, καὶ οὐ μὴ ἴδῃ ἀνάκλησιν εἰς αὐτόν, ἀλλὰ δεόμεθα σοῦ τοῦ Θεοῦ, ἵνα δώσης αὐτῷ (φ. 126a) ἐν τῷ παρόντι αἰῶνι σημεῖον εἰς ἔνδειξιν αὐτῶν, ἵνα θεωρῶσιν πάντες καὶ θαυμάζωσιν αὐτοὺς καὶ ἀποδίδωται αὐτῶν μέχρι τετάρτην γενεάν, ὁ οὐ καὶ κληθήσῃ, οὐδὲ πιάσῃ τὸν ἄρτον, ἀλλ' ἵνα περιπατῇ τὰ σκυθρωπὰ τῶν ἀνθρώπων καὶ δημότης, καὶ δὸς αὐτοῖς, Δεσποτα καρδιογνώστα καὶ Θεὸς τῶν ὄλων, ἀσθένειν δεινὴν καὶ διασκόρπισον αὐτῶν τὸν βίον αὐτῶν καὶ δεινὴν πτωχείαν, ἵνα δαμασθῇ τὸ τοῦτου κακὸν καὶ Θεοβίτου.

Ναὶ, Δέσποτα Παντοκράτορ, ὁ γινώσκων τὰ κρύφια καὶ (φ. 126b) τοὺς διαλογισμοὺς τῶν ἀνθρώπων καὶ συνέχων τὰ πάντα ἐν τῇ χειρὶ σου, ἐπάκουσόν μου τοῦ ἁμαρτωλοῦ καὶ ποιήσον εἰς αὐτόν, Δέσποτα, σημεῖον εἰς ἔνδειξιν πολλῶν, ἵνα οὕτως γένηται παιδεύσας τῶν ἄλλων τῶν βυλομένων πράττειν τῶν τοιούτων ἔργων, ἵνα καὶ συνεσταλῶσιν καὶ ἡσυχάσουν εἰς τὸ ἔξῃς, ἐκκενοῦται ἕως τῶν θεμελιῶν τῆς γῆς. Ναὶ, Κύριε, γένοιτο, γένοιτο. Καὶ μὴ ἀποτύχω τῆς δεήσεώς μου. Κύριε, Κύριε, ἐπίβλεψον ἐξ οὐρανοῦ καὶ πέμψον πῦρ καὶ καῦσον αὐτόν, ὀψοῦται τῷ πάθει τῆς φιλαργυρίας (φ. 127a), ἐκπίπτει τοῦ φωτός ὁ ἐσκοτισμένος, «καὶ ἐν τῷ σκηνώματί σου μὴ ἔστω ὁ κατοικῶν»^{α)}), «ἐνδύσαντο κατάραν ὡς ἱμάτιον.

α) LXVIII, 26.

Εὐχὴ ἑτέρα (θ').

Καὶ ὡσεὶ ὕδωρ ἐξεχύθεις τὰ ἔγκατα^{*)} αὐτοῦ», νὰ «ἄνδρες αἰμάτων καὶ δολιότητος οὐ μὴ ἡμισέουσιν τὰς ἡμέρας αὐτῶν¹⁾» ὅτι οὐκ ἐν ρομφαίᾳ καὶ δόρατι καὶ ἀσπίδι, ἀλλ' ἐπὶ ὀνόματι τοῦ Κυρίου Σαβαώθ, καὶ ἀποκλήσει Κύριος Ἄβερωνῆς τὰς χεῖράς μου, καὶ ἀποκτείνω τὸν ἐχθρόν μου, καὶ γνώσεται πᾶσα ἡ Ἐκκλησία, ὅτι ἐν ρομφαίᾳ καὶ δόρατι ζῶσει Κύριος καὶ παραδώσει (φ. 127b) Κύριος εἰς χεῖρας ἡμῶν ἔνδον τῶν πυλῶν ... καὶ ἕως ἂν κειρῶ δοθῇ αὐτὸν δύσσουτέρα (?) καὶ εἴπωμεν ἐξῆρψεν ἡ γῆ αὐτῶν βατράχους²⁾», «δραμεῖται ὁ λόγος ἑαυτῶν, διδὼν χιόνα ὡσεὶ ἔριον, ὡσεὶ σποδὸν ἐμίχλην σπιθαμῆ καὶ βιασμούς³⁾» καὶ μὴ εἰσῆλθεν εἰς τὰ ἔγκατα αὐτοῦ κοπίδι ἀόρατον καὶ κατέστησε ἐντὸς αὐτοῦ φαινόμενα καὶ ἐλόγη γαστήρ αὐτοῦ ἄκοντα καὶ πᾶσα ἐκουσία αὐτοῦ ἐξείη διὰ τοῦ ἀφροδῶνος αὐτοῦ ἔξωθεν καὶ λοιπὸν ἔκειτο ψυχορραγῶν καὶ ἕως τὴν γλώσσαν αὐτοῦ ἕως οὗ καὶ αὐτοῦ ἔκοψεν τὴν γλώσσαν. (φ. 128a).

Εὐχὴ ἑτέρα (ι').

Δήσας αὐτὸν ἔξω διὰ τοῦ στόματος αὐτοῦ, ὡς αὐτὴν δὲ κρίσις τοῦ Θεοῦ ἐγένετο εἰς τὸν τὲ (sic) ἐπὶ πολλὰς ἡμέρας κατακρίνει αὐτὸν (ὁ δεῖνας), καὶ λακτίζει καὶ ἀποδάκνει (?) αὐτὸν, καὶ τρίζει τοὺς ὀδόντας αὐτοῦ, καὶ δοκεῖ φεύγειν θέλων μὴ δυνάμενος δὲ ἔκειτο ψόφον ποιῶν τοῖς δακτύλοις αὐτοῦ, καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἀγγραιῶν ἐζήτει παραμυθίαν, καὶ οὐκ ἦν αὐτῷ βοηθός, ἔκειτο δὲ χεῖρον, ἐλεεινὸν θέημα τοῖς ὀφθαλμοῖς αὐτὸν γενόμενον, ἐσχατῶν δὲ καὶ τὰ χεῖλη αὐτοῦ καὶ τοὺς ὀδόντας, καὶ πᾶσι χριστι- (φ. 128b) -ανοῖς· οὐ μὴ εἰσέλθῃ τὸ πνεῦμα βαλάκων (?) καὶ νὰ τυραννησῆ καὶ παραδοθῆ τῷ διαβόλῳ καὶ πᾶσι τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ,

*) CVIII, 18.

1) LIV, 24.

2) CIV, 30.

3) Cp. CXLVII, 4—6.

καὶ νὰ γενῆ σκοληγκόβρωτος, καὶ ἡ μερὶς αὐτοῦ [ἔστω] μετὰ τοῦ Ἰούδα τοῦ προδότου καὶ μετὰ τῶν εἰπόντων· ἄρον, ἄρον, ἄρον, σταύρωσον αὐτόν».

Εὐχὴ ἑτέρα (ια').

Τὰδε λέγει Κύριος· δίδωσί μοι γλώσσαν, ἐγὼ οὐκ ἀπειθῶ, οὐδὲ ἀντιλέγω, τὸν νῶτόν μου εἰς ραπίσματα τὸ δὲ πρόσωπόν μου οὐκ ἀπέστρεψα ἀπὸ αἰσχύνης ἐμπαιγμάτων, καὶ Κύριος βοηθός μου ἐγενήθη διὰ τοῦτο, οὐκ ἐνετράπησαν, ἀλλ' ἐθεάσαντο τὸ πρό- (φ. 129a) -σωπόν σου, ὡς στερεὰν πέτραν, καὶ ἔγνων ὅτι οὐ μὴ αἰσχυνοῦμαι, ὅτι ἐγγίξει ὁ δικαίωσας με¹⁾. Ἴδοὺ Κύριος βοηθήσει μοι, οἱ νεανίσκοι αὐτῶν ἐν ρομφαίᾳ καὶ πεσῶν (sic) ἀποθανοῦνται, καὶ οἱ υἱοὶ αὐτῶν καὶ αἱ θυγατέρες αὐτῶν τελευτήσουσιν ἐν λιμῷ καὶ ἐγκατάλυμα αὐτῶν, ὁ ἐτάζων κακὰ ἐπὶ τοὺς κατοικοῦντας ἀνθρώπους, ὅμοιον δι' αὐτοῦ, ὃν τρόπον καυθήσεται καλάμη ὑπὸ ἀνθρακος πυρός, συγκαυθήσεται ὑπὸ φλογός καιομένης ἢ ῥίζα αὐτῶν, ὡσεὶ χυνοῦς ἔσται καὶ τὸ ἄνθος αὐτῶν²⁾, ὡς κνινορτός ἀναβήσεται καὶ ἐθυμώθη Κύριος (φ. 129b).

Εὐχὴ ἑτέρα (ιβ').

Σαβαώθ ὀργῆ ἐπὶ τὸν λαὸν αὐτοῦ, καὶ πῦρ ἀνήφθη ἐπὶ τοῦ (ὁ δεῖνας), καὶ ἐγένετο θνησιμαῖα αὐτῶν ὡς σκορπία ἐν μέσῳ ὁδοῦ, καὶ ἐπὶ πᾶσι τούτοις οὐκ ἀπεστράφη ὁ θυμὸς αὐτοῦ (ὁ δεῖνας), ἔστιν στένων καὶ τρέμων ἐπὶ τῆς γῆς ἢ γῆ ἔχανεν τὸ στόμα αὐτῆς δέξασθαι αὐτοὺς, ὡς τὸν Δαθάν καὶ ὡς τὸν Ἀβειρώμ, «σκοτισθήτωσαν οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν τοῦ μὴ βλέπειν· ἔκχεον ἐπ' αὐτοὺς τὴν ὀργὴν σου καὶ ὁ θυμὸς τῆς ὀργῆς σου καταλάβῃ αὐτοὺς. Γένοιτο, γένοιτο. Γενηθήτω ἡ ἔπαυλις αὐτῶν ἡρημωμένη, καὶ ἐν τοῖς σκηνώμασι (φ. 130a) αὐτῶν μὴ ἔστω ὁ κατοικῶν³⁾», ὅμοιον καὶ οἱ νεανίσκοι αὐτῶν μετὰ τῶν δύο ἀρχιερέων Ἄνα

1) Cp. IX и др.

2) CII, 25.

3) LXVIII, 24—25.

καὶ Κατάρρα ἐπὶ τὸν ἐπτάλυχον γενηθήσεται ὡς σὺς λυπτε βεανελφεγῶρ (sic) καὶ διεψᾶ ἡ γῆ καὶ τὸ στόμα αὐτῆς, καταπιέτω, ὡς τὸν Δαθάν καὶ ὡς τὸν Ἀβειρώμ, καὶ ἐνδύεται τὴν λέπραν τοῦ Γιεζῆ, στένων καὶ τρέμων, καὶ ἐξολοθρεύσῃ τοὺς πταισμοὺς ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ ἕως τοῦ αἰῶνος. Ἀμήν.

[5]. Κατάρρα (ιγ').

Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος καὶ τοῦ ἁγίου Θεοῦ Παντοκράτορος, τῆς ζωαρχικῆς Τριάδος, τοῦ ἑνὸς καὶ μόνου Θεοῦ. Ἔχομεν αὐτοὺς ἀφωρισμένους, καὶ ἔσται ἡ μερὶς αὐτῶν μετὰ τοῦ προδότου Ἰούδα, τοῦ προδόσαντος τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τοῖς Ἰουδαίοις. Ἔχομεν αὐτοὺς ἀφωρισμένους ἀπὸ τῶν ἐν ἁγίοις πατέρων ἡμῶν Βασιλείου τοῦ Μεγάλου, Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου καὶ Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου, Νικολάου τοῦ ἐν Μύροις τῆς Λυκίας, καὶ πάντων τῶν ἁγίων ἱεραρχῶν (φ. 131a). Ἔχομεν αὐτοὺς ἀφωρισμένους ἀπὸ τῶν ἁγίων προφητῶν Ἰησοῦ καὶ Ἑλισσαίου. ἔχουμεν αὐτὸν ἀφωρισμένον ἀπὸ τῶν δσίων πατέρων ἡμῶν Ἀντωνίου, Εὐθυμίου, Χαρίτωνος, Σάββα, καὶ πάντων τῶν δσίων πατέρων. Ἔχομεν αὐτὸν ἀφωρισμένον ἀπὸ τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Ἀρσενίου καὶ τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Σωφρονίου ἔχομεν αὐτὸν ἀφωρισμένον ἀπὸ τοῦ νῦν πατριάρχου οἰκουμενικοῦ καὶ ἀπὸ πάντων τῶν μητροπολιτῶν, ἐπισκόπων, ἱερέων, μοναχῶν, διακόνων καὶ ὑποδιακόνων καὶ κληρικῶν καὶ λαϊκῶν καὶ ἀπὸ πάντων (φ. 131b) τῶν ὀρθοδόξων χριστιανῶν. «Ἀφορίζομεν αὐτὸν σὺν παιδίσι καὶ γενεαῖς γενεῶν αὐτοῦ. Ἔστω τὰ ἔτη τῆς ζωῆς αὐτοῦ στένων καὶ τρέμων ἐπὶ τῆς γῆς, ὡσπερ τὸν Κάιν. Γενηθήτω ἡ ὁδὸς αὐτοῦ σκότος καὶ ὀλίγημα καὶ ἄγγελος Κυρίου μετὰ πυρίνης ρομφαίας κατασφάξῃ αὐτοὺς ^{α)}, καὶ ὡς οὐδὲ εἰς τὴν γῆν Μαδιάμ εὐρίσκειται χλωρὸν χόρτον, μηδὲ εἰς τὸ σπήτι αὐτοῦ εὐρεθῆ ἡμέρα ἀγαθῆ, ἀλλ' ἔστω

^{α)} XXXIV, 6 (въ измѣненіи).

τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ καὶ ὁ οἶκος καὶ ὁ ἔχει καὶ ὅσα κάμη εἰς ἀπώλειαν παντοίαν, «ὡς τὸν Ὀρήβ καὶ Ζήβ καὶ Ζεβεὲ καὶ Σαλμανᾶν» ^{β)} (φ. 132a) καὶ «ὁ διάβολος στήτω ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἐν τῷ κρίνεσθαι αὐτὸν ἐξέλθοι καταδεδικασμένος. Γενηθήτωσαν οἱ υἱοὶ αὐτοῦ ὄρφανοὶ καὶ ἡ γυνὴ αὐτοῦ χήρα. Γενηθήτωσαν τὰ τέκνα αὐτοῦ εἰς ἐξολόθρευσιν, ἐν γενεᾷ μᾶ ἐξαλειφθήτω τὸ ὄνομα αὐτοῦ, ὅτι ἠγάπησεν κατάραν καὶ ἤξει αὐτὸν, καὶ οὐκ ἠθέλησεν εὐλογίαν, καὶ μακρονθήσεται ἀπ' αὐτοῦ· καὶ ἐνεδύσατο κατάραν ὡς ἱμάτιον, καὶ εἰσῆλθεν ὡσεὶ ὕδωρ εἰς τὰ ἔγκατα αὐτοῦ» ^{γ)}. Ὡσπερ ἐχάλασεν ὁ πύργος τοῦ Σιλωάμ καὶ ἐκάλυψεν ἀνδρας τριακισίας χιλιᾶδας, οὕτως χαλασθῆ (φ. 132b) τὸ ὄνομα αὐτοῦ ἐκ γῆς ζώντων, καὶ νὰ κληρονομήσῃ τὴν λέπραν τοῦ Γιεζῆ, καὶ ἔσται ἡ μερὶς αὐτοῦ μετὰ Ἰούδα καὶ τοῦ εἰπόντος «ἄρον, ἄρον, σταύρωσον αὐτὸν». Ἐπιπέσει ἐπ' αὐτοὺς φόβος καὶ τρόμος καὶ πᾶσα ἀσθένεια. Ἄκουσον οὐρανὲ καὶ φρίζον, ἐνωτίζου ἡ γῆ καὶ τρόμαζον, ἵνα ἔχῃ καὶ ἐμοῦ τοῦ ἀμαρτωλοῦ τὴν κατάραν τοῦ ἀναγνώσαντος ταύτην τὴν κατάραν ἀπὸ ἔμπροσθεν ἕως ὀπισθεν, ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἕως ἀριστερῶν αὐτοῦ, καὶ σὺ, Κύριε, ὁ ταχὺς εἰς ἐκδίκησι τῶν ἀδικουμένων, πρόσχες τῇ δεήσει μου (φ. 133a) καὶ τῇ κρίσει μου τοῦ ἀμαρτωλοῦ δαύλου σου, ἵνα σὲ δοξάζωμεν εἰς τοὺς αἰῶνας. Ἀμήν.

[6]. Εὐχὴ ἑτέρα (ιδ') ^{*}.

Ἔχομεν αὐτὸν ἀφωρισμένον καὶ ἀποδεδιωγμένον (καὶ) ἀπὸ ¹⁾ Πατρὸς, Υἱοῦ καὶ Ἀγίου Πνεύματος [καὶ] ἐν τῷ νῦν αἰῶνι καὶ ἐν τῷ μελλοντι, καὶ ἡ μερὶς αὐτοῦ μετὰ τοῦ Ἰούδα τοῦ προδό-

^{α)} LXXXII, 12.

^{β)} CVIII, 6—19 (въ сокращеніи).

^{*}) Варр. второй молитвы третьей редакціи:

() — отсутствуетъ въ варьируемомъ текстѣ; [] — дополненія,

имѣющіяся въ немъ.

¹⁾ Вм. «παρά».

του²⁾ και τῷ εἰπόντι³⁾ ἐπὶ τὴν προδοσίαν⁴⁾ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ· «ἄρον, ἄρον, σταύρωσον αὐτὸν»· και ἵνα ἐπισπάσῃται⁵⁾ (και) κληρονομήσῃ⁶⁾ τὰς ἀράς τῶν τριακοσίων δέκα και ὀκτώ θεοφόρων Πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ, και ἀποδιωχθήσεται παρά παντός χριστιανοῦ, (φ. 133b) ὡς ἐδιώχθη ὁ παράφρων Ἄρειος ἀπὸ τῆς ἀγίας καθολικῆς και ἀποστολικῆς Ἐκκλησίας, και οὐ μὴ ἴδῃ ἀνάκλησιν (εἰς) αὐτὸν³⁾, [ἀλλὰ δεόμεθα τοῦ Θεοῦ, ἵνα ἴδωσι αὐτοῦ ἐν τῷ νῦν αἰῶνι σημεῖον εἰς ἔνδειξιν αὐτοῦ], ἵνα δρῶσιν⁷⁾ πάντες [οἱ] ἄνθρωποι και θαυμάζωσιν και οὐκ ἔλεοῦσιν αὐτὸν, και ἀποδίδονται⁸⁾ αὐτοῦ μέχρι⁹⁾ τρίτης γενεᾶς αὐτοῦ [και οὐ πλησθήσεται ἄρτου], ἀλλ' ἵνα περιπατῇ εἰς τὰ πρόθυρα τῶν ἀνθρώπων και λιμασθῇ¹⁰⁾ [εἰς τὰς ἡμέρας αὐτοῦ], και δὸς αὐτῷ, Δέσποτα καρδιογνώστα και Θεὲ τῶν ὄλων, [ἀσθενείαν και] διασχόρπισον τὸν βίον¹¹⁾ αὐτοῦ και δεινὴν πτωχείαν¹²⁾, ἵνα δαμασθῇ και παύσῃ τοῦ τοιοῦτου κακοῦ αὐτοῦ και Θεσβίτου (φ. 134a).

Ναὶ Δέσποτα Παντοκράτορ, ὁ γινώσκων τὰ κρύφια και τοὺς διαλογισμοὺς τῶν ἀνθρώπων (και) συνέχων¹³⁾ (τὰ πάντα) ἐν τῇ χειρὶ σου, εἰσάκουσον και ἐμοῦ τοῦ ἁμαρτωλοῦ ἱερέως¹⁴⁾ και ποιήσον εἰς αὐτὸν σημεῖον [ὅτι ἐποίησε τὸ] τοιοῦτον [ἔργον] (δι' ὀλίγου) πρὸς ἔνδειξιν πολλῶν [ἀνθρώπων], ἵνα αὐτὸς γένηται παῖδευσιν¹⁵⁾

²⁾ «τοῦ προδότου Ἰούδα».

³⁾ Родит. пад.

⁴⁾ Дат. пад.

⁵⁾ Вст. «νά».

⁶⁾ Сослаг. накл.

⁷⁾ Вм. «θεωρῶσιν».

⁸⁾ «ἀποβίδη».

⁹⁾ Вм. «ἕως».

¹⁰⁾ Вм. «και ὁ λιμὸς ἐπ' αὐτοῦ οὐ λήφεται».

¹¹⁾ «διασχόρπισιν τοῦ βίου».

¹²⁾ Далѣе оконч. тирады: «ἵνα ἴδῃ και θαυμάσῃ πᾶς ἄνθρωπος διὰ τοιοῦτου κακογνώμου αἰρετικοῦ».

¹³⁾ «συνέχοντας».

¹⁴⁾ Вм. «ἐπάκουσον ἡμῶν τῶν ἁμαρτωλῶν».

¹⁵⁾ «πεδευτής».

τῶν ἄλλων¹⁶⁾, τῶν βουλομένων πρᾶξαι τοιούτων ἔργων¹⁷⁾, και συσταλῶσιν και ἡσυχάσωσιν εἰς τὸ ἐξῆς· (Γένοιτο), γένοιτο, Κύριε¹⁸⁾ Δέσποτα τῶν ἀπάντων, και μὴ ἀποτόχω τῆς δεήσεώς μου (Δέσποτα και εἰς τὸ κατὰ ὄλα τὸ) ἀντὶ εὐλογῆσω τὸν Κύριον) (φ. 134b).

«Οὐχ οὕτως οἱ ἀσεβεῖς, οὐχ οὕτως; ἀλλ' ἢ ὡσεὶ χνοῦς, ὃν ἐκρίπτει ὁ ἄνεμος ἀπὸ προσώπου τῆς γῆς· διὰ τοῦτο οὐκ ἀναστήσονται ἀσεβεῖς ἐν κρίσει»^{α)}. «Ποιμανεῖς αὐτοὺς, ὡς ράβδος σιδηρᾶ, ὡς σκευὴ κεραμέως συντρίψεις»^{β)}. «Οἱ θλιβόντες με πολλοὶ ἐπανίστανται ἐπ' ἐμὲ· πολλοὶ λέγουσι τὴν ψυχὴν μου· οὐκ ἔστι σωτηρία αὐτῷ ἐν τῷ Θεῷ αὐτοῦ· ὅτι σὺ ἐπάταξας πάντας τοὺς ἐχθραίνοντάς μοι ματαίως, ὀδόντας ἁμαρτωλῶν συνέτριψας»^{β)}, «ὅτι οὐκ ἔστι ἐν τῷ στόματι αὐτῶν ἀλήθεια (φ. 135b) ἢ καρδία αὐτῶν ματαία· τάρως ἀνεωγμένους ὁ λάρυγξ αὐτῶν, ταῖς γλώσσαις αὐτῶν ἐδολίωσαν· κρίνον αὐτοὺς ὁ Θεός»^{γ)}. «Ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ ἐργαζόμενοι τὴν ἀνομίαν, αἰσχυνηθήσαν πάντες οἱ ἐχθροὶ μου, ἀποστραφείσαν και κατασχυνηθήσαν σφόδρα διὰ τάχους»^{δ)}. «Λάκκον ὄρυξαν και ἀνέσκαψαν αὐτὸν και ἐκπεσεῖται εἰς βόθρον, ὃν εἰργάσατο. Ἐπιστρέψει ὁ πόνος αὐτοῦ εἰς κεφαλὴν αὐτοῦ και ἐπὶ κορυφὴν αὐτοῦ ἡ ἀδικία αὐτοῦ καταβήσεται»^{ε)}. Ψαλῷ τῷ ὀνόματί σου, Ὑψιστε. Ἐν τῷ (φ. 136) ἀποστραφῆναι τὸν ἐχθρόν μου εἰς τὰ ὀπίσω, ἀσθενήσουσι και ἀπολοῦνται ἀπὸ προσώπου σου· και ἀπόλετο ὁ ἀσεβής· τὸ ὄνομα αὐτοῦ ἐξήλειψας εἰς τὸν αἰῶνα και εἰς τὸν αἰῶνα τοῦ αἰῶνος. Ἀπόλετο τὸ μνημόσυνον αὐτοῦ μετ' ἡχοῦ· πάντων τῶν ἐχθρῶν αὐτοῦ κατακυ-

¹⁶⁾ Вм. «τῶν ἐτέρων».

¹⁷⁾ Вм. «τὸ τοιοῦτον ἔργον».

¹⁸⁾ Вм. «Ναὶ, Κύριε, γένοιτο».

ПСАЛМЫ И СТИХИ:

α) I, 4—5.

β) II, 9.

γ) III, 2; 3; 8.

δ) V, 10—11.

ε) VI, 9; 11.

ς) VII, 16—18.

ριεύσει». «Σύντριψον τὸν βραχίονα τοῦ ἀμαρτωλοῦ καὶ πονηροῦ»^{*)}. «Ἐπιβρέξει ἐπὶ ἀμαρτωλοῦ παγίδα ἢ μερίς τοῦ ποτηρίου αὐτοῦ»^{β)}. «Ἐξολοθρεύσαι Κύριος πάντα τὰ χεῖλη, τὰ δόλια [καὶ] γλῶσσαν μεγαλορρήμονα» πᾶσαν (?)^{γ)}, «μήποτε εἶπη ὁ ἐχθρὸς μου ἰσχυσα πρὸς αὐτόν»^{δ)}. «Ἐισάκουσον, Κύριε, τῆς δικαιοσύνης μου, πρόσχες τῇ δεήσει μου. Τὴν ψυχὴν [μου] περιέσχον. Ἄναστηθι, Κύριε, πρόφθασον αὐτοὺς, καὶ ὑπισκέλισον αὐτοὺς. Κύριε, ἀπὸ ὀλίγων ἀπὸ γῆς διαμέρισον αὐτοὺς ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν»^{ε)}. Ἐν τῷ θλίβεσθαι με ἐπεκαλεσάμην τὸν Κύριον, καὶ πρὸς τὸν Θεόν μου ἐκέκραξα: ἤκουσεν ἐκ ναοῦ ἁγίου αὐτοῦ φωνῆς μου, καὶ ἡ κραυγὴ μου ἐνώπιον αὐτοῦ εἰσελεύσεται εἰς τὰ ὦτα αὐτοῦ». «Ἄνθρακες ἀνήφθησαν ἀπ' αὐτοῦ. Σκοτεινὸν ὕδωρ ἐν νεφέλαις ἀέρων. Ἀπὸ τῆς τηλαυγῆσεως ἐνώπιον αὐτοῦ» (φ. 137a). «Ἐξάπτε-
στεῖλε καὶ ἐσκόρπισεν αὐτοὺς, καὶ ἀστραπὰς ἐπλήθυνε καὶ συνε-
τάραξεν, αὐτοὺς»· «ἀπὸ ἀνδρὸς ἀδίκου ρῦσαι με»^{ς)}. «Ἐπακούσαι σου Κύριος ἐν ἡμέρᾳ θλίψεως ὑπερασπίσαι σου τὸ ὄνομα τοῦ Θεοῦ Ἰακώβ. Αὐτοὶ συνεποδίσθησαν, καὶ ἔπεσον ἡμεῖς [δὲ] ἀνέ-
στημεν καὶ ἀνωρθώθημεν»^{η)}. «Ἐδρεθείη ἡ χεὶρ σου πᾶσι τοῖς ἐχ-
θροῖς σου. Τὸν καρπὸν ἐκ τῶν ἀπὸ τῆς γῆς ἀπολείς καὶ τὸ σπέρμα
αὐτῶν ἀπὸ υἰῶν ἀνθρώπων»^{θ)}. «Ὁ Θεός, ὁ Θεός μου, πρόσχες
μοι, ἵνατί ἐγκατέλιπές με μακρὰν ἀπὸ τῆς σωτηρίας μου οἱ λό-
γοι τῶν καταπτωμάτων μου». «Ἐπὶ σοὶ ἤλπισαν (φ. 137b) καὶ
οὐ κατησχύνθησαν. Ἐγὼ δὲ εἶμι σκώληξ καὶ οὐκ ἄνθρωπος». «Περιεκύκλωσάν με κύνες πολλοὶ διημερίσαντο τὰ ἰμάτιά μου
ἐαυτοῖς»^{ο)}. «Μηδὲ καταγελασάτωσάν μοι ἐχθροὶ μου [καὶ] αἰσ-

*) IX, 3—7; 26; 36.

β) X, 6.

γ) XI, 4.

δ) XII, 5.

ε) XVI, 1; 9; 13—14.

ς) XVII, 7—9; 12—13; 15, 49.

η) XIX, 1; 9.

θ) XX, 9; 11.

ο) XXI, 2; 6—7; 17—19.

χυνθήτωσαν οἱ ἀνομοῦντες διακενής»^{π)}. «Ἐισάκουσον, Κύριε, τῆς
φωνῆς μου, ἧς ἐκέκραξα»^{ρ)}. «Κακὰ δὲ ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν.
Δὸς αὐτοῖς, Κύριε κατὰ τὰ ἔργα τῶν χειρῶν αὐτῶν, καὶ κατὰ
τὴν πονηρίαν τῶν ἐπιτηδευμάτων αὐτῶν. Κατὰ τὰ ἔργα τῶν χει-
ρῶν αὐτῶν δὸς αὐτοῖς, καθαρῆς (sic = καθελῆς) αὐτοὺς καὶ οὐ
μὴ οἰκοδομήσεις αὐτοὺς»^{σ)}. «Ἰψώσω σε, Κύριε, ὅτι ὑπέλαβέ (φ. 138a)
με καὶ οὐκ εὐφρανας τοὺς ἐχθροὺς μου ἐπ' ἐμέ»^{τ)}. «Ῥῦσαι με ἐκ
χειρὸς ἐχθρῶν μου καὶ ἐκ τῶν καταδιωκόντων με»^{υ)}. «Πρόσωπον
δὲ Κυρίου ἐπὶ ποιῶντας κακὰ, τοῦ ἐξολοθρεύσαι ἐκ γῆς τὸ μνη-
μόσυνον αὐτῶν. Θάνατος ἀμαρτωλῶν πονηρὸς»^{φ)}. «Δίκασον, Κύριε,
τοὺς ἀδικῶντάς με, πολέμησον τοὺς πολεμοῦντάς με. Ἐπιλαβοῦ
δπλου καὶ θυρεοῦ καὶ ἀνάστηθι εἰς τὴν βοήθειάν μου. Ἐκχεον
ρρυφαίαν καὶ σύγκλεισον ἐξεναντίας τῶν καταδιωκόντων με. Αἰσ-
χυνθήτωσαν οἱ λογιζόμενοί μοι (φ. 138 b) κακὰ. Γενηθήτωσαν
ὡσεὶ χνοῦ: κατὰ πρόσωπον ἀνέμου, καὶ ἄγγελος Κυρίου καταδιώ-
κων αὐτοὺς. Γενηθήτω ἡ ὁδὸς αὐτοῦ σκότος καὶ ὀλίσημα, καὶ
ἄγγελος Κυρίου ἐκθλίβων αὐτοὺς. Ἐλθέτω αὐτῷ παγίς, ἣν οὐ γι-
νώσκει. Πᾶντα τὰ ὀστέα μου ἐροῦσι: Κύριε, Κύριε, τοῖς ὁμοίοις
σοι. Ἀναστάντες μοι μάρτυρες ἄδικοι, ὃ οὐκ ἐγίνωσκον ἠρώτων με.
Ὅτι ἐμοὶ μὲν εἰρηνικά, καὶ ἐπ' ὀργὴν δόλους διελογίζοντο ὁ Θεός
μου καὶ ὁ Κύριός μου εἰς τὴν δίκην μου. Αἰσχυνθήτωσαν καὶ
ἐντραπήτωσαν ἅμα (φ. 139a) οἱ ἐπιχαίροντες ἐπ' ἐμέ»^{ζ)}.

Δόξα. Ἦχος πλ. α'.

Σήμερον ὁ Ἰούδας καταλιμπάνει τὸν διδάσκαλον καὶ παρα-
λαμβάνει τὸν διάβολον, τυφλοῦται τῷ πάθει τῆς φιλαργυρίας, ἐκ-

π) XXIV, 1—2.

ρ) XXVI, 7.

σ) XXVII, 3—4.

τ) XXIX, 1.

υ) XXX, 16.

φ) XXXIII, 17; 22.

ζ) XXXIV, 1—8; 10—11; 20; 23; 26.

πίπτει τοῦ φωτός ὁ ἐσκοτισμένος· πῶς γὰρ ἠδύνατο βλέπειν, ὁ τὸν φωσιτήρα πωλήσας· τριάκοντα ἀργύρια.

Ἄλλεις ἀναθεματίσατε γ' (φ. 139a).

Εὐχὴ ἑτέρα¹⁾.

Θεὲ τῶν Πατέρων, Κύριε τοῦ ἐλέους, ὁ ποιήσας τοὺς οὐρανούς καὶ τὴν γῆν καὶ τὰ πάντα, ἐπάκουσόν μου ἐν τῇ ὥρᾳ ταύτῃ καὶ τῆς δεήσεως ἡμῶν, τὸ θυμίαμα πρόσδεξι τὴν ἐξολόθρευσιν τοὺς ἐχθρούς μου, καὶ (ὁ δεῖνας) καὶ κατάταξον αὐτὸν μὲ τοὺς κεκοιμημένους δι' ὀλίγων ἡμερῶν, καὶ πῦρ ἐξ οὐρανοῦ ἐπιπέσει ἐπ' αὐτὸν, καὶ τῆξον ὡς ἀράχνην τὴν ψυχὴν αὐτοῦ· εἰσάκουσον τῆς προσευχῆς ἡμῶν, Κύριε, καὶ τῆς δεήσεως ἡμῶν ἐνώτισαι, καὶ τῶν δακρῶν ἡμῶν μὴ παρασιωπήσης (φ. 139b).

III.

ΑΚΟΛΟΥΘΙΑ ΚΑΙ ΕΠΙΤΙΜΙΟΝ, ΓΙΝΟΜΕΝΟΝ ΕΠΙ ΑΔΗΛΩΝ ΠΡΑΓΜΑΤΩΝ.

(Ibid. φ. 142a — 149).

Ποιεῖ ὁ ἱερεὺς· Εὐλογητόν, τὸ Τρισάγιον, Παναγία Τριάς, Πάτερ ἡμῶν. Ὅτι σοῦ ἐστιν.

Ἐῖτα τὰ τροπάρια Ἐλέησον ἡμᾶς, Κύριε, ἐλέησον. [Δόξα]. Κύριε, ἐλέησον ἡμᾶς. Καὶ νῦν. Τῆς εὐσπλαγχνίας τὴν πύλην (sic).

[1]. Εὐχὴ.

Τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν.

Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος καὶ ἀπὸ (τοῦ) Κυρίου. Παντοκράτορος καὶ ἀπὸ τῆς ζωαρχικῆς καὶ ὁμοουσίου Τριάδος.

Ἐχει αὐτὸν ἡ Ἐκκλησία ἀφωρισμένον ἀπὸ τῶν τριακοσίων

¹⁾ Эта краткая заключительная молитва приписана в оригиналѣ другою рукою.

δέκα καὶ ὀκτὼ θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ. Ἔστω δὲ καὶ ἡ μερὶς αὐτοῦ μετὰ τοῦ Ἰούδα τοῦ προδότου καὶ τῶν εἰπόντων· «ἄρον, ἄρον, σταύρωσον αὐτὸν» (φ. 142a). Ἐχομεν αὐτὸν [ἀφωρισμένον] δὲ καὶ ἀπὸ τῶν ἐν ἁγίοις πατέρων ἡμῶν Βασιλείου τοῦ Μεγάλου, Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου καὶ Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου, Νικολάου τοῦ Θαυματουργοῦ, ἀπὸ τῶν ἁγίων πάντων, ἔσοι κρατοῦν ἀπὸ ἄκρου οὐρανοῦ ἕως ἄκρου γῆς, τῶν ἁγίων ἐνδόξων μεγάλων προφητῶν Ἡλιοῦ καὶ Ἐλισσαίου, καὶ ἀπὸ τῶν ὁσίων καὶ θεοφόρων πατέρων ἡμῶν· Ἄντωνίου, Εὐθυμίου, Ἀρσενίου, Ὀνούφριου, Σάββα καὶ Χαρίτωνος, καὶ πάντων καὶ πασῶν, καὶ ἀπὸ τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου, κὺρ Ἀρσενίου Ἱεροσολύμων, καὶ κὺρ Ἀθανασίου (φ. 142b) Ἀλεξανδρείας, καὶ πάντων τῶν ὀρθόδοξων μητροπολιτῶν, ἐπισκόπων καὶ μοναχῶν, ἱερέων καὶ διακόνων, καὶ ὑποδιακόνων καὶ πάντων τῶν ὀρθόδοξων χριστιανῶν, καὶ νὰ ἔχη τὸν ἀφορισμὸν παιδίων τῶν παίδων, γενεῶν τε αὐτοῦ, καὶ τὰ ἔτη τῆς ζωῆς αὐτοῦ στένων καὶ τρέμων, ὥσπερ τὸν Καῖν. Γενηθῆτω ἡ ἑδὸς αὐτοῦ σκότος καὶ ὀλίσθημα, καὶ Ἄγγελος Κυρίου μετὰ πυρίνης ρομφαίας σφάξει αὐτὸν· ὡς οὐδὲ εἰς τὴν γῆν τῆς Μαδιάμ εὐρίσκειται χλωρὸν κλαδί, μηδὲ εἰς τὸ σπῆτί του εὐρεθῆ ποτὲ ἀγαθὴ ἡμέρα, καὶ νὰ πάγη ὁ οἶκος αὐτοῦ (φ. 143a) καὶ τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ, ὡς τὸν Ὁρῆβ καὶ Ζῆβ καὶ Ζαβέε καὶ Σαλμανᾶν καὶ πάντας τοὺς ἄρχοντας αὐτῶν· καὶ ὁ διάβολος στήτω ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, ἐν τῷ κρίνεσθαι αὐτὸν ἐξέλθῃ καταδεδικασμένος, καὶ ἡ πρόσευχὴ αὐτοῦ γενέσθω εἰς ἁμαρτίαν· γενηθῆτωσαν οἱ υἱοὶ αὐτοῦ ὄρφανοὶ καὶ ἡ γυνὴ αὐτοῦ χήρα· γενέσθωσαν τὰ τέκνα αὐτοῦ εἰς ἐξολόθρευσιν, ὅτι ἠγάπησεν κατάραν, καὶ κληρονομήσει αὐτὴν, οὐκ ἠθέλησεν εὐλογίαν, καὶ μακρυνθήσεται ἀπ' αὐτοῦ, καὶ ἔβαλεν τὴν κατάραν ὡς ἱμάτιον, καὶ ὡσεὶ ζώνην τε αὐτὴν, καὶ (φ. 143b) νὰ χάνῃ ἡ γῆς καὶ νὰ ὑπάγῃ κάτω, ὡς τὸν Ἰανῆν καὶ Ἰαβρῆν· καὶ ὥσπερ ἐχάλασεν ὁ πύργος τοῦ Σιλωὰμ καὶ κατέχωσε τριακοσίας χιλιάδας λαόν, οὕτως νὰ χάνῃ καὶ νὰ καταπῆ τὸν τοιοῦτον ἄνθρωπον· καὶ νὰ κληρονομήσῃ τὴν λέπραν τοῦ Πιεζῆ. Ἔστω δὲ καὶ ἡ μερὶς αὐτοῦ μετὰ τοῦ Ἰουδαίου τῶν παρεστη-

κότων μετὰ τῶν ἀλλοφύλων ἐθνῶν. Δέξον δὲ καὶ ἐμοῦ τοῦ ἀμαρτωλοῦ ἱερέως τὴν κατάραν. Ἄκουσον ἡ γῆ, καὶ φρέζον. Ἄκουσον οὐρανὲ, καὶ στέναξον. Ἄκούσατε τὰ ἄστροι καὶ τὸ φέγγος, καὶ σκιάσατε. Ἄκουσον θάλασσα, καὶ στραροῦ εἰς (φ. 144a) τὰ ὀπίσω. Ἄκουσον γῆ, καὶ μὴ δεχθῆς τὸν τοιοῦτον αἰρετικόν. Ἄκουσον καὶ σύ, αἰρετικὲ καὶ παράνομε, καὶ δημολόγησε, Ἰσκαριῶτα, τὴν ἀνομίαν σου. Ἀκούσατε ὄρη καὶ βουνὰ καὶ νάπες καὶ ἅπαντες χριστιανοὶ, καὶ ἀναθεματίσατε τὸν τοιοῦτον αἰρετικόν καὶ παράνομον.

¹Ἔως τρίτον δεῖ λέγειν (?).

Κοντάκιον ἤχος δ'. Σήμερον δ' Ἰούδας τριάκοντα, ἀλλ' ἡμῖν ἀνέτειλεν δ παθῶν ὑπὲρ ἡμῶν (буквально такъ же, какъ выше).

[2]. [Εὐχὴ].

*Ἐχομεν αὐτὸν ἀφωρισμένον καὶ ἀποδεδιωγμένον παρὰ Πατρὸς, Υἱοῦ καὶ ἀγίου Πνεύματος, καὶ ἐν τῷ νῦν αἰῶνι καὶ ἐν τῷ μέλλοντι, καὶ ἡ μερίς αὐτοῦ μετὰ τοῦ προδότου Ἰούδα. ¹ ἤσυχάσου εἰς τὸ ἐξῆς. Ναί, Κύριε, γέναιτο, Δέσποτα, τῶν ἀπάντων, καὶ μὴ ἀποτύχω τῆς δεήσεώς μου.

Ἰούδας Ἰσκαριώτης ἔρριψε τὰ τριάκοντα ἀργύρια ἔμπροσθεν τοῦ ἀρχιερέως (φ. 146a), καὶ τὸ γλωσσόκομον εἶχε καὶ τὰ βαλλόμενα ἐβάσταζεν, καὶ τὴν ἐσπέραν ἐκείνην ἐνοχλεῖτο δι' ὅλης τῆς νυκτός, ἵνα παραδώσῃ τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν· οὕτως καὶ ὁ κλέψας (τοῦ δεινός) τὸ πρᾶγμα νὰ μὴ κοιμηθῇ, νὰ μηδὲ κατουρήσῃ ἕως ἡμέρας ζ'. πρᾶγμα (sic) (φ. 146b) ².

[3]. Τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν.

Δέσποτα Παντεπόπτα, ἡ κάθαρις, ὁ ἀκοίμητος ὀφθαλμός,

¹ См. выше въ вариантахъ къ молитвѣ подѣ lit. γ'.

² Далѣе, среди страицы, имѣется особая криптографическая вставка, въ которой между прочимъ читаются слова: «θορβοροι, χορχοροι».

ὁ γινώσκων πάντα τὰ κρυπτά καὶ τοὺς νεφροὺς ἐτάζων καὶ ἐπικατεδίωξαν οὕτως οἱ ἐργαζόμενοι τὴν ἀνομίαν καὶ προσώχθησαν (φ. 149b) ¹.

Τέλος.

IV.

ΕΥΧΑΙ ΤΗΣ ΛΥΣΕΩΣ ²).

(Ibid. φ. 149b—153).

Ποιεῖ ὁ ἱερεὺς· Εὐλογητόν τὸ Τρισάγιον Παναγία Τριάς· Πάτερ ἡμῶν· Ὅτι σοῦ ἐστίν τὸ τροπᾶριον τῆς ἡμέρας. Δόξα. Ἅγιοι ἀνάργυροι καὶ θαυματουργοὶ ἐπισκέψασθε τὰς ἀσθενείας ἡμῶν, δωρεὰν ἐλάβετε δωρεὰν [καὶ] δότε (φ. 149b) ἡμῶν. Καὶ νῦν. Θεοτόκιον. Προστασία τῶν χριστιανῶν.

Εὐχὴ.

Τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν.

Δέσποτα Παντεπόπτα, ἡ κάθαρις, ὁ ἀκοίμητος ὀφθαλμός, ὁ γινώσκων πάντα τὰ κρυπτά, ὁ διὰ τῆς μετανόιας ἄφεισι τοῖς ἀνθρώποις δωρησάμενος καὶ τύπον ἡμῖν ἐπιγνώσεως καὶ ἀμαρτημάτων ἐξομολογήσεως [διὰ] τὴν τοῦ προφήτου Δαβὶδ μετάνοιαν πρὸς συγχώρησιν ὑποδείξας, αὐτός, Δέσποτα, πολλοῖς ἡμᾶς καὶ μεγάλοις περιπεπτωκότας πλημμελήμασι ἐλέησον κατὰ τὸ μέγα σου ἔλεος καὶ κατὰ τὸ πλήθος τῶν αἰκιτιμῶν σου ἐξάλειψον τὰ ἀνομήματα ἡμῶν, ὅτι σοὶ ἡμάρτομεν, Κύριε· αὐτῷ καὶ τὰ ἀδηλα καὶ τὰ κρύφια τῆς καρδίας μόνον γινώσκοντι καὶ μόνον ἔχοντι τὴν ἐξουσίαν [ἀφιέναι] καρδίαν τε καθαρὰν κτίσων ἐν ἐμοὶ ὁ Θεός, καὶ πνεῦμα [τι] ἡγεμονικῶ στήριξον (?) ἡμῶν

¹ См. выше въ вариантахъ къ молитвѣ подѣ lit. γ'.

² Отмѣченное въ [] составляетъ въ настоящемъ послѣдованіи наши вставки, необходимыя для установленія яснаго смысла и правильности текста.

[και απόδος] τῆς ἀγαλλιάσεως τοῦ σωτηρίου σου· μὴ ἀπορρίψῃς ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ προσώπου σου, ἀλλ' εὐδόκησον, ὡς ἀγαθὸς καὶ φιλόανθρωπος, μέχρι τῆς ἐσχάτης ἡμῶν ἀναπνοῆς προσφέρειν θυσίαν δικαιοσύνης καὶ ἀναφορὰν ἐν τοῖς ἁγίοις σου· Ὅτι σοὶ πρέπει πᾶσα δόξα, τιμὴ καὶ προσκύνησις, νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

Εὐχὴ.

Τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν.

Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ τῷ Πέτρῳ καὶ τῇ πόρνῃ διὰ δακρύων ἄφειν ἁμαρτιῶν δωρησάμενος, καὶ τὸν τελώνην τὰ οἰκεία ἐπιγνόντα πταίσματα (φ. 1ε0b) συγγνώμην ἔλαβεν, πρόσδεξαι τὴν ἐξομολόγησιν τοῦ δούλου σου (ὁ δεῖνας) διὰ τοῦ ἀφορισμοῦ τὴν λύσιν, καὶ ἦτοι ἄλλο ἐπλημμέλησεν ἐκούσιόν τε καὶ ἀκούσιον ἁμάρτημα, ἐν λόγῳ, ἢ ἔργῳ ἢ κατὰ διάνοιαν, ὡς ἀγαθὸς καὶ φιλόανθρωπος [συγχώρησον]· σὺ γὰρ μόνος ἔχεις ἐξουσίαν ἀφιέναι ἁμαρτίας, καὶ σοὶ τὴν δόξαν ἀναπέμπομεν, τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ καὶ τῷ Ἁγίῳ Πνεύματι, νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, Ἀμήν.

[Εὐχὴ].

Τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν.

Ὁ Θεὸς ὁ φοβερός καὶ δυνατός, ὁ διὰ τοὺς σὺς οἰκτιρμοὺς ἐξαποστείλας τὸν μονογενῆ σου Υἱὸν εἰς τὸν κόσμον, ἵνα διαρρήξῃ αἰχμαλώτους ἄφειν· αὐτὸς, Δέσποτα, τὸν παρόντα δούλον (δεῖνας) τῇ σῇ ἀγαθότητι ἐλευθέρωσον τοῦ ἐπικειμένου δεσμοῦ· ἄνεσ αὐτὸν τῶν ἐπιθέντων δεσμῶν· ὁ λύων πάντα σύνδεσμον, ὁ πάντα ποιῶν (φ. 151a) ὡς βούλη τῇ δυνάμει τῆς ἰσχύος σου, αὐτὸς διάλυσον καὶ ἀκύρωσον πάντα λόγον δεσμοῦ καὶ ἀναθεματισμοῦ, πᾶσαν ἀράν καὶ ἀφορισμὸν, ὅσα εἰκῆ καὶ μάτην ἀπενέχθησαν τῷδε (δεῖνι) τῷ δούλῳ σου, ἐξ ἀπροσεξίας καὶ λήθης, ἢ συναρπαγῆς, ἢ κακίας, ἢ ἀγνοίας, ἢ λόγους ἑαυτὸν ἐδέσμευσεν, ἢ ὑπὸ ἄλλου ἐδεσμεύθη, καὶ πάντων οὖν τοιούτων ἐλευθέρωσον τὸν ἀνάξιον

δοῦλόμ σου, φιλόανθρωπε Κύριε, καὶ τὸν ἀλόγως ἐαλωκότα ἐπίστρεψον εἰς τὸν φόβον σου, ἵνα πάντοτε μετὰ παρρησίας τὴν σὴν ἀνυμνοῦντες θεότητα τύχῃσι καὶ τῆς βασιλείας σου (φ. 151b).

[Εὐχὴ].

Τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν.

Ὁ Θεὸς ὁ Σωτὴρ ἡμῶν, ὁ διὰ τοῦ προφήτου σου Νάθαν μετανοήσαντι τῷ Δαβὶδ ἐπὶ τοῖς ἰδίοις πλημμέλημασι καὶ τὸν Μανασσῆν τὴν ἐπὶ μετανοίᾳ προσευχὴν δεξάμενος, αὐτὸς καὶ τὸν δούλον [σου] (ὁ δεῖνας) μετανοοῦντα ἐπὶ τοῖς ἰδίοις παραπτώμασι, πρόσδεξαι τῇ συνήθει σου φιλοανθρωπίᾳ, παρορῶν αὐτοῦ τὰ πλημμέληματα, ὁ καὶ ἐβδομηκοντάκις ἑπτὰ ἀφιέναι κελεύσας· ὅτι ὡς ἡ μεγαλωσύνη σου, οὕτω καὶ τὸ ἔλεός σου, καὶ σοὶ τὴν δόξαν ἀναπέμπομεν.

Ἔστα τὸ Ἐλέησόν με ὁ Θεός. γ'. Καὶ μετὰ τοῦτο κρατεῖ ὁ ἱερεὺς βακτηρίαν, καὶ καθ' ἕκαστον ψαλμὸν τύπτει μίαν. Καὶ εὐθὺς·

Τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν.

Ὁ Θεὸς, ὁ προσδεξάμενος τοῦ Πέτρου (φ. 152a) τὰ δάκρυα καὶ τῆς πόρνης τὴν ἐξομολόγησιν καὶ τοῦ τελώνου τὸν στεναγμὸν καὶ τοῦ ληστού τὴν ὁμολογίαν ἐπὶ τῷ σταυρῷ, αὐτὸς ἐλεήσει καὶ συγχωρήσει σε, τέκνον, εἰς τὸν λόγον, ὃν σὺ ἐδέσμευσας, καὶ γὰρ ἢ ἕτερός τις [σε ἔδησα, καὶ συγχωρηθῆς ἐν τῷ νῦν αἰῶνι], καὶ ἐν τῷ μέλλοντι, ἀπὸ τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος, μὴ ἔχοντα ἀπολογηθῆναι ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῇ φοβερᾷ διὰ τοῦτο βλέπε, τέκνον, ὅτι ἦδη ὑγιῆς γέγονας, μηκέτι ἁμάρτανε, ἵνα μὴ χεῖρόν τί σοι γένηται· καὶ σὲ ἱκετεύομεν καὶ παρακαλοῦμεν, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ ὁ Θεὸς ἡμῶν, καὶ σοὶ πρέπει πᾶσα δόξα, τιμὴ καὶ προσκύνησις, σὺν τῷ ἀνάρχῳ σου Πατρὶ καὶ τῷ παναγίῳ καὶ (φ. 152b) ἀγαθῷ καὶ ζωοποιῷ σου Πνεύματι, νῦν καὶ ἀεὶ (φ. 152b).

Εἶτα ὁ λυθείς ἄνθρωπος, ὀργαίνει τοῦ δέματος καὶ πίπτει χαμαὶ ἔμπροσθεν τοῦ ἱερέως, ἐὰν εἶναι πταίστης, λέγει· Συγχώρησόν μοι, Δέσποτα ἄγιε, τῷ ἁμαρτωλῷ.

Καὶ ἀποκρίνεται ὁ ἱερεὺς· Ὁ Θεὸς συγχωρήσει σοι, τέκνον, ἐν τῷ νῦν αἰῶνι καὶ ἐν τῷ μέλλοντι. Καὶ Θεοῦ δυνάμεως καὶ παρακλήσεως τοῦ ἱερέως λύεται ὁ ἄνθρωπος ὁ δεμένος.

Καὶ λέγει ὁ ἱερεὺς· Ὁ Χριστὸς¹⁾, ὁ δῆσας σε διὰ τῆς τῶν ἱερέων γλώττης, αὐτὸς τὴν λύσιν χαρίζεται. Καὶ λέγει γ'.

Καὶ οὕτως ἀπόλυτον ποιᾷ (φ. 153)²⁾.

* α φ μ β, μ ἦ ν Α ὕ γ β σ τ ο ς, ι ε'.

Τέλος.

¹⁾ Такъ какъ въ ркп. предъ словомъ — «ὁ Χριστὸς» стоитъ еще «καὶ», — то повидимому, здѣсь по разсѣянности писца текстъ перепутанъ, и правильнѣе было бы такое чтение: «Ὁ Θεὸς συγχωρήσει . . . μέλλοντι καὶ ὁ Χριστὸς, ὁ δῆσας . . . τὴν λύσιν χαρίζεται». Καὶ λέγει γ'. Καὶ Θεοῦ δυνάμει καὶ παρακλήσει τοῦ ἱερέως λύεται ὁ ἄνθρωπος ὁ δεμένος».

²⁾ Крайняя отрывочность извлечений изъ псалтири, привнесение извлечений, нисколько не отвѣчающихъ цѣли псалмокатары, порою произвольное измѣненіе ихъ подлиннаго текста, почти полное отсутствіе какой-либо логической послѣдовательности при композиціи ихъ въ формулы, дѣленіе этихъ послѣднихъ на части, можно сказать, почти на полусловъ и, наконецъ, привнесение иногда заговорнаго элемента—все это въ рядѣ мѣсть (преимущественно въ памятникѣ—II-мъ) невольнo затемняетъ пониманіе текста (особенно формулъ подъ litt.—β', ε' и η') и безошибочное его чтение. Прибавимъ сюда, что весь текстъ въ ркп. № 192 исполненъ въ оригиналѣ переписчикомъ небрежнымъ и малограмотнымъ, а сверхъ того примѣнявшимъ реченія и изъ обиходнаго народнаго языка. Вотъ почему въ нерѣдкихъ мѣстахъ мы и принуждены были поставить предъ выраженіями текста—?